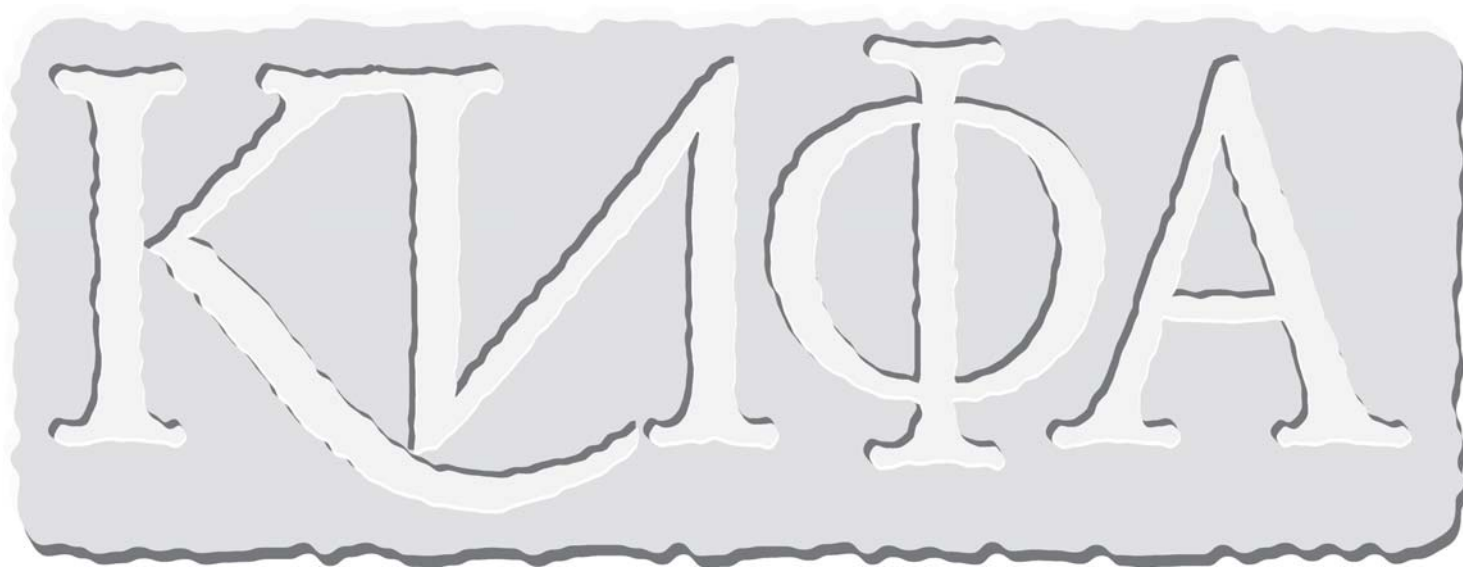

3 (141)

март 2012

Издание
Преображенского содружества
малых православных братств

В газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakifa.ru

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви

МИССИЯ И ЦЕРКОВЬ – ЭТО ОДНО

Интервью с архиепископом Критским Иринеем (Афанасиадисом)

— Ваше Высокопреосвященство, кто были Ваши духовные отцы, духовные учителя?

— Их много. Один из них, наиболее важный для меня, — митрополит Кисамский и Селинский Ириней. Он был моим учителем в средней школе. Затем в Константинополе моим учителем был митрополит Ставруполиса Максим. Потом, когда я учился в Лондоне, моим учителем и духовным отцом был архиепископ Афинагор. Конечно, у меня были и другие учителя, но эти — главные.

— Для Русской православной церкви, для ее возрождения после коммунистического режима сегодня очень важны миссия и катехизация. Наш патриарх Кирилл сейчас много делает в этой области.

— Очень хорошо.

— Каков Ваш опыт катехизации в Критской церкви, как вы готовите людей к крещению?

— Что касается катехизации, то она у нас не в лучшем состоянии, здесь все не так, как должно бы быть. Нам нужно больше заниматься евангелизацией, катехизацией, нашим людям нужно как можно больше узнавать о своей вере, о Церкви, об истории, о церковной истории, им нужно осмыслить свою веру, становиться более сознательными православными. Мы в этом очевидно очень нуждаемся. Одно время мы думали, что это можно осуществить через государственную школу. К несчастью, светская школа сейчас изменила свою роль и не дает нашим детям возможности узнавать о вере. Эта система, к сожалению, не работает. Поэтому нам совершенно необходимо заниматься этим вопросом и этой темой.

— Есть ли в Критской церкви люди, которые занимаются евангелизацией, учат людей? Для кого это сфера особой ответственности?

— Это требует организации, а мы здесь недостаточно организованы на сегодняшний день. Что же касается вашего вопроса о миссии, я думаю, что сама Церковь — это миссия, а миссия — это Церковь. Не может быть Церкви без миссии. Миссия и Церковь — это одно. Наша церковь дол-

жна быть всецело миссионерской в том смысле, что она свидетельствует об Истине в существующей реальности, чтобы люди не пребывали в невежестве. И, кроме того, нам нельзя оставаться пассивными. Нам надо быть активными, говорить, передавать все, что у нас есть, что мы знаем и во что мы верим.

Окончание на с. 2
Фото Марины Наумовой

БУНТ ДОБРА

Семинар «Русская катастрофа XX века и пути преодоления ее последствий» стал очередным в серии конференций и встреч, организованных Преображенским братством, чтобы поддерживать конструктивную общественную дискуссию о прошлом и будущем России.

Участники семинара сошлись на том, что общение в добре, установка на созидание — это то, что доступно каждому человеку, то, что способно побеждать общую бесчеловечность жизни, внутреннюю раздвоенность и страх. Можно лишь радоваться тому, что в последнее время то там, то здесь возникают стихийные движения людей, стремящихся просто помогать другим, оставаясь при этом «невидимками». О.А. Седакова назвала это «бунтом добра».

Сегодня мы публикуем фрагменты двух выступлений, прозвучавших в ходе семинара.

Ольга Седакова: Я хотела бы начать с того, с какой нормой мы сравниваем феномен постсоветского и советского человека, когда говорим об антропологической катастрофе, то есть о крушении некоей нормы. Очень важно иметь в уме какую-то конкретную норму — не отвлеченный идеал, потому что все люди представляют собой отступление от такого идеала, а какую-то «докатастрофическую» или «внекатастрофическую» реальность. Например, можно как из нормы исходить из российс-

кого дореволюционного человека. Но кто и что о нем теперь знает? В этом отношении мои ровесники — счастливое поколение. Мы последними имели возможность вживую видеть дореволюционных людей, поколение наших бабушек и дедушек. Мое внимание на это обратил — еще в студенческие годы — Борис Андреевич Успенский. Он как-то сказал мне: «Оля, будьте внимательны: вы последние, кто их видит, — стариков, которые успели повзрослеть до революции». Эти люди, которых революция

застала совсем юными, на всю свою жизнь остались другими. Другими, чем все вокруг. И сравнение с ними многое скажет. Что же изменилось? чем эти люди отличались от своих детей и последующих потомков? Это стоит обдумать. Первое, что бросалось в глаза: они были несопоставимо спокойнее других. «Совсем советские» казались рядом с ними какими-то невротиками.

Окончание на с. 4
Фото Евгения Фоминых

В номере:

И церковь, и народ
оказалось возможно
вынести «за скобки»

В апреле Культурно-просветительский центр «Преображение» проводит выставку, посвященную событиям в Шуе в контексте всей волны гонений на церковь, связанной с кампанией по изъятию церковных ценностей.

С. 3

Место встречи

На «Сретенских чтениях», восемнадцатой студенческой конференции СФИ, представители церковных и светских вузов встретились в поле академической дискуссии.

С. 5

Россия открывается «новому христианству»

Доклад О.А. Седаковой на конференции «Человек: кризис и желание счастья. Что может сказать Церковь сегодня?»

С. 6

Скорбный юбилей

Девяносто лет назад началась кампания, по поводу которой руководитель советского государства цинично писал: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»

С. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и статья о проблемах миграции

Два новых епископа рукоположены в Албанской православной церкви

Новый епископ рукоположен для Албанской православной церкви 21 января. Хиротония состоялась в церкви Благовещения в Тиране, ее возглавил Архиепископ Тиранский и всей Албании Анастасий. Новым епископом Албанской церкви стал владыка Нафанаил, который являлся до недавнего времени проповедником в митрополии Gjirokastrë (древнегреческий Аргирокастро), а теперь будет в ней же викарным архиереем.

Происходящий из г. Трикала в Греции епископ Нафанаил в течение 15 лет был монахом в Великой Лавре на Святой Горе Афон. В последние годы он был помощником митрополита Джирокастëра Димитрия, бывшего монаха Синайского монастыря. Новый епископ, несмотря на греческое происхождение, свободно говорит на албанском языке. Он известен тем, что совершил большое число крещений и браков в своей епархии, выполняя работу по катехизации православных албанцев.

Еще один новый епископ — владыка Астий, албанец по происхождению, был рукоположен в сан 22 января также в Тиране. Его хиротонию также возглавил архиепископ Анастасий, помощником которого он являлся до настоящего времени в Тиране. Теперь же он станет викарным епископом столичной епархии. Епископ Астий носит имя священномученика, который являлся епископом древнегреческого города Дирахий (в настоящее время — албанский Дюррес) и был умучен в 100 г. от Р.Х.

Эти две новые хиротонии увеличили до восьми количество епископов в Албанской православной церкви, которая отличается тенденцией к увеличению своей паствы и активизации церковной жизни благодаря миссионерским усилиям своего нынешнего предстоятеля — архиепископа Анастасия, отмечает французский православный сайт Orthodoxy со ссылкой на греческое агентство церковных новостей «Ромфея».

Седмица.ru

В Сан-Франциско открылся Институт богословских наук им. свв. Кирилла и Афанасия Александрийских

Институт стремится стать ведущим центром изучения православного богословия, истории, мысли и практики на западном побережье США, сообщает сайт Западно-Американской епархии РПЦЗ. Новое богословское учебное заведение будет предлагать лицензиат православных христианских наук посредством очного и заочного обучения. Заочное обучение будет осуществляться дистанционно через сайт вуза.

17–18 февраля в Сан-Франциско прошёл первый региональный симпозиум института на тему «Живой символ: изучение внутреннего смысла Божественной литургии». Главными докладчиками на конференции, собравшей более 130 участников, стали архимандрит Мелетий (Веббер), архимандрит Ириней (Стинберг) и протоиерей Иосия Тренхам.

Патриархия.ru

Синод Болгарской православной церкви передал Комиссии по рассекречиванию досье спецслужб данные иерархов

Синод Болгарской православной церкви передал Комиссии по рассекречиванию досье спецслужб данные иерархов, занимающих руководящие должности, сообщает издание «Монитор».

Таким образом, Болгарская православная церковь исполнила предписание принятого Болгарским правительством закона о люстрации (раскрытии агентурных сведений спецслужб коммунистической Болгарии).

Получив запрос на передачу данных о своих иерархах, Синод Болгарской православной церкви первоначально ответил согласием, а потом изменил решение и отказался предоставлять сведения. В случае отказа от предоставления необходимых данных Комиссия по досье угрожала заставить Синод выплатить штраф в размере 30 тысяч левов (15 тысяч евро).

Председатель Комиссии Е. Костадинов подтвердил в эфире Болгарского телевидения передачу досье и добавил, что скандальная ситуация, сложившаяся в последние дни вокруг раскрытия досье болгарских церковных иерархов, спровоцирована искусственно.

Он подчеркнул, что Комиссия проверяет не только Болгарскую православную церковь, но и все

религиозные организации, и пообещал, что в конце января 2012 г. будут опубликованы первые результаты проверки.

Как сообщает болгарское издание «Монитор», на прошлой неделе бывший глава Комиссии по досье М. Андреев заявил, что Церковь отказывается от передачи данных, потому что якобы более половины священнослужителей были агентами. Болгарский премьер Бойко Борисов заявил, что клирики вряд ли имеют чистую совесть, раз оказывают такое сопротивление проводимой акции.

29 декабря Болгарское информационное агентство «Фокус» опубликовало призыв Болгарского юридического сообщества к властям Болгарии отказаться от «противоконституционных норм доступа и рассекречивания документов спецслужб» и проверки причастности к деятельности спецслужб служителей религиозных организаций. По мнению инициаторов призыва, отказ от люстрации религиозных организаций — это «политический шанс властям и оппозиции доказать, что есть непреходящие ценности, как Болгарская православная церковь, объединяющая национальные идею и интересы».

Седмица.ru

МИССИЯ И ЦЕРКОВЬ – ЭТО ОДНО

Интервью с архиепископом Критским Иринеем (Афанасиадисом)

Окончание. Начало на с. 1

— Мы бывали в разных странах и нигде не видели, чтобы в общественных местах было так много часовен, как здесь — в порту и даже на пляже... С чем это связано?

— У нас на Крите много таких небольших церквей: в горах, на побережье — везде. Глубинная, подлинная мысль состоит в том, что Бог благословляет весь мир, и поскольку это благословение распространяется на все — и на горы, и на реки — то везде могут быть и храмы, и святые, и тогда вся земля обретает церковное измерение в Божьем благословении. Это замечательно, и я думаю, что это очень важно и уникально именно для православных — ни у протестантов, ни у католиков ничего подобного нет. Однажды я говорил об этом с одним англичанином, его это просто привело в восторг.

— Здесь много красивых церквей и часовен, а как много людей ходит на литургию, какой процент от населения всей страны? Ведь Греция — это православная страна...

— Есть кульминация посещений, например, на Пасху, Рождество, когда приходят в церковь почти все. На память местным святым также почти все приходят. На отпевания, крещения — очень многие приходят. И каждое воскресенье тоже ходят, но уже не так много. Я бы сказал, что православие у нас не входит в повседневный уклад людей. Это реальность, которую люди проживают каждый по-своему, свободно. Они сами знают, на чем делать акценты, и они это делают. Конечно, они могли бы больше посещать церковь, но я думаю, проблема не в том, как часто они ее посещают, а в том, как они это делают. Мы должны быть уверены в том, что как бы часто они ни приходили, они все делают хорошо и правильно.

— Вы говорите о качестве веры? — Да, о ее подлинности.

— Какие главные вопросы, задачи, цели существуют сейчас в Критской церкви?

— Наша главная цель — быть с людьми: ободрять их, утверждать, направлять, вести их, понимать их, говорить с ними — для меня это самое важное. И конечно, нужно им помогать, особенно сейчас, во время экономического кризиса, когда людям живется очень трудно. Нам надо делать всё, что мы можем. Конечно, как я уже говорил, есть задачи евангелизации, миссии, особенно важно уделять внимание молодым людям, заботиться о них — они очень в этом нуждаются.

— Когда люди регулярно приходят в церковь, то они потом могут собираться вместе после богослужения, чтобы поговорить, в чем-то помочь друг другу... Есть ли у вас такой опыт?

— Мы культивируем это. Особенно здесь, в этом городе, в каждой церкви есть такое место, где люди могут вместе побыть после литургии. Как раз сегодня мы в одной из церквей так собирались — жаль, что вас не было с нами, вы бы все сами увидели. Так что после службы люди собираются, пьют кофе, едят что-то, поют песни (не богослужебные песнопения) и даже танцуют, особенно дети. Это наша традиция.

— Даже танцуют? Прямо в церкви?

— Нет, около нее.

— Также хотелось Вас спросить о православном образовании. В нашей стране это особенно важно сейчас, после коммунистического режима. Мы нуждаемся в хорошем образовании. Не могли бы Вы сказать несколько слов об образовании у вас. Мы знаем, что у вас здесь есть богословская академия.

— У нас есть две академии. Одна для мирян, где они могут изучать вопросы социологии, психологии — вообще любые проблемы; и богословская академия для священников. Еще есть семинария, где учатся будущие священники. И, кроме того, в Ираклионе есть семинарский центр для священнослужителей и мирян.

— Еще один вопрос, о роли мирян. В нашем институте, например, учится много мирян, это по преимуществу мирянский институт. Что Вы думаете о роли мирян в евангелизации?

— Мы все одно целое. Церковь — это не только клирики. Клирики и миряне — это одно целое. И нам нужно, чтобы у каждого была своя роль. Лично я полагаю, что священник и в первую очередь епископ должны направлять, гарантировать истинность учения. Но дальше — каждый человек нужен. Нам нужен каждый.

— То есть каждый может помогать священнику и епископу учить?

— Да, каждый. Но не каждый сам по себе, а вместе, объединившись.

— В нашей церкви мы сейчас также говорим о языке богослужения. Вы, вероятно, знаете, что в нашей церкви основной богослужебный язык — церковнославянский. Но проблема в том, что когда люди делают первые шаги в церкви, им трудно понимать службу. И сейчас в Русской церкви есть опыт перевода богослужения на современные языки — и на русский, и на другие языки, которые используются на территории нашей страны и в странах бывшего СССР. Что Вы думаете о языке богослужения церкви?

— Это очень острый, очень важный вопрос. Прежде всего, мы должны просить самих себя, только ли о понимании идет речь. Понимание необходимо, но это не все. Важны также чувства, опытное переживание, живая реальность. Поэтому если посмотреть на проблему в целом, то мы увидим, что не надо преувеличивать значение перевода. Конечно, если говорить о славяноязычной части церкви — Русской, Сербской и всех прочих — я бы определенно сказал, что здесь богослужение на родном языке очень важно. И первые проповедники были в этом смысле очень открыты и сказали: будет не греческий, а славянский. В этом была настоящая открытость, и это прекрасно. И так появился церковнославянский язык,

который объединял людей. Конечно, в наше время встает вопрос о переводе. Я бы сказал так: да, нам нужен перевод на наши родные языки, чтобы чувствовать и понимать богослужение. Но нам также важно не оторваться от традиционного языка богослужения.

— Это значит использовать оба языка — современный и традиционный?

— Да, я лично уверен, что важно не уйти совсем от традиционного языка, который впервые открыл народу реальность православия. Я думаю, это необходимо. И в то же время я уверен, что должна быть возможность молиться на русском, сербском и т.д. Может быть, и то и другое вместе лучше, чем что-то одно из двух, что бы это ни было.

В грекоязычных областях ситуация несколько другая. Для нас греческий — традиционный богослужебный язык. Конечно, в наше время он не очень понятен, не так, как разговорный греческий. И поэтому встает вопрос: надо ли переводить древнегреческий на современный греческий. Сейчас идет дискуссия по этому вопросу. Одни говорят: «Нет, будем совершать богослужение на старом греческом языке, а потом объяснять его на современном разговорном греческом». Другие говорят: «Нет, надо отказываться от старого языка и говорить только на современном языке». Мое личное мнение, что для нас очень важен тот традиционный язык, на котором было написано Евангелие и песнопения ранней церкви. Поэтому что нам действительно нужно сегодня — это объяснение, научение, чтобы и мы сами понимали, и другим могли помочь понять. Пусть богослужение будет на традиционном языке, а после него — проповедь, научение и все прочее — на современном греческом. Я думаю, это золотая середина.

— В России в XX веке появилось много новомучеников и исповедников веры, тех, кто пострадал от безбожной власти.

— Это великая и очень важная часть истории Православной церкви. Я сам с огромным уважением отношусь ко всем этим святым, современным святым России. И не только России...

— В нашем институте мы пытаемся узнать больше об их опыте.

— Это прекрасно.

— Мы чувствуем, что это для нас очень важно. В опыте новомучеников была попытка помочь людям понимать и богослужение, и веру. Некоторые из них перевели богослужение, создавали общины, братства.

Например, недавно мы узнали о епископе Макарии (Опоцком) из Новгорода. Никто не знал, где и когда он умер. Но этим летом в памятнике мы случайно нашли его могилу. Оказалось, что он умер в 1941 году. Он был катехизатором, создал несколько общин, много говорил о евангелизации и оглашении.

— Я очень уважаю всех этих людей. Я думаю, что они очень нужны нам — наши современники, святые наших дней.

— И последнее: что Вы можете пожелать нашему институту? Я Вам немного рассказал о нем.

— Будьте настоящими православными. Трудитесь от души. Отдавайте людям как можно больше. И да благословит вас Господь!

Беседовали Алексей Наумов, Марина Наумова.

Перевод с английского — Ольга Хегай, Наталья Ширяева

ОБЩИНЫ – ОСНОВА ЖИЗНИ БРАТСТВА

После празднования Сретения Господня, 17–19 февраля, в Подмосковье состоялась традиционная ежегодная встреча Преображенского братства – XIII Сретенский собор. Эпиграфом к нему стали слова Евангелия от Матфея: «Кто не берет на себя креста и не идет за Мною, недостоин Меня» (Мф 10:38).

В соборе участвовали члены общин Преображенского братства из России и стран ближнего зарубежья – всего около 800 человек.

На открытии собора духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков сказал: «Общины Преображенского братства состоят из людей служащих, которые берут на себя крест любви, крест Братства служащего... Община начинается тогда, когда есть ответственность за большее, внутренняя устойчивость ко злу и греху, когда есть ответственность за всех членов общины, когда есть способность передавать дар целожизненного служения другим, в том числе своим детям, когда есть крестоношение, пусть и по-разному раскрывающееся в жизни разных людей».

Все круглые столы и встречи собора были посвящены различным аспектам общинной жизни – молитве,

служению, труду. Члены общин делились своим опытом служения Богу и Церкви.

Одним из значимых событий XIII Сретенского собора стал круглый стол, посвященный теме покаяния как возвращения к церковной норме, исправления жизни, исполнения призвания Братства содействия возрождению полноты жизни Церкви и всех служений в ней.

По общему решению членов общин Преображенского братства в следующем году будет продолжено обсуждение темы служения Богу и Церкви в современном мире, а также вопросов духовного старшинства.

Наталья Адаменко
Информационная служба
Преображенского братства
Фото Евгения Фоминых

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ

21 февраля в Институте философии Российской академии наук состоялось очередное заседание Теоретического семинара сектора этики на тему «Специфика евангельской формулы золотого правила этики».

Доклад, посвященный указанной теме, представил профессор СФИ Д.М. Гззян. В качестве оппонента выступил д-р филос. наук, профессор кафедры этики философского факультета МГУ А.В. Прокофьев.

Д.М. Гззян показал преемственный характер отношений между классическим золотым правилом и его новозаветной формулой, а также специфическое содержание последней. Евангельская формула, «сумасбродная в очах даже высокой библейской мудрости», способна не только содействовать устройству добрососедских отношений между людьми и охране суверенности каж-

дой личности, но и отозваться на экзистенциальный интерес удостоверения всякого «я» в его ценности и незаменимости. При этом человек, способный «делать навстречу другим те шаги, о которых только мечтает в отношении себя», и тем самым принимающий на себя ответственность подтверждения ценности «другого», сам через это оказывается абсолютно незаменимым. Говоря об основаниях и источнике сил для подобной «стратегии поведения», Д.М. Гззян помимо экзистенциального интереса человека отметил «особую заинтересованность Творца», выраженную спасительным участием в судьбе каждого богочеловеческой личности Христа.

Удивительное свойство Нагорной проповеди, при скептическом прочтении кажущейся неприменимой к жизни, в том, что решившемуся от-

нестись к ней с доверием она дает глоток свежего воздуха. Современному человеку, подавленному привычкой смотреть на себя и других как на социально-экономическую функцию, в новозаветной этике открывается возможность сделать свою жизнь не совокупностью прав и обязанностей, но сотворчеством совершенно иных отношений, способность к которым предусмотрел в человеке его Создатель.

Четырехчасовое обсуждение поднятой темы показало живой интерес участников семинара не только к проблемам христианской этики, но и к современной церковной жизни.

Текст доклада Д.М. Гззяна можно прочитать на сайте Института философии РАН. Там же будет размещен текст выступления А.В. Прокофьева.

Информационная служба СФИ

РОССИЯНЕ НЕ ХОТЯТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЛА ГОСУДАРСТВА, УТВЕРЖДАЮТ СОЦИОЛОГИ

Среди россиян нет единого мнения о необходимости преподавания в школах основ религиозных культур, хотя большинство граждан за, хотя в их личной жизни религия играет важную роль, показал всероссийский опрос.

44% опрошенных россиян высказались за преподавание детям в школах основ религиозных культур,

43% – против этого, сообщили «Интерфаксу» социологи «Левада-Центра» по результатам январского опроса. Еще 13% затруднились высказать мнение по данному вопросу.

Тем не менее, в целом 73% граждан в ходе общения с социологами признались, что религия в их жизни играет ту или иную роль, при

этом 31% заявили, что эта роль «очень или довольно важная».

Между тем более половины россиян (56%) не хотели бы, чтобы представители власти в принятии тех или иных решений руководствовались религиозными убеждениями, согласны на это 28% респондентов.

Седмица.ru

УТВЕРЖДЕН ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ ПО ВВЕДЕНИЮ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» В ШКОЛАХ РОССИИ

Правительство Российской Федерации распоряжением от 28 января 2012 года № 84-р утвердило план мероприятий по введению с 2012/2013 учебного года курса «Основы религиозных культур и светской этики» в общеобразовательных учреждениях страны. Соответствующее распоря-

жение опубликовано на сайте Правительства.

Согласно документу, с января по март 2012 года ученики и их родители выберут модули учебного курса. С февраля по август 2012 года будут проводиться мероприятия по повышению квалификации педагогов. За 2012/2013

учебный год в федеральных округах будут проведены конференции, посвященные новому учебному курсу. Будет также открыт специальный сайт с информацией и методическими материалами по учебному курсу.

Отдел религиозного образования и катехизации/Патриархия.ру

В апреле Культурно-просветительский центр «Преображение» проводит выставку, посвященную событиям в Шуе в контексте всей волны гонений на церковь, связанной с кампанией по изъятию церковных ценностей (1922–1923 гг.). Мы публикуем фрагмент интервью со Светланой Чукавиной, руководителем Музейно-выставочного отдела центра (полностью интервью можно прочитать на сайте Преображенского братства <http://psmb.ru>)

И церковь, и народ оказалось возможно вынести «за скобки»

— Светлана Олеговна, что позволяло советской власти надеяться на действенность кампании по изъятию церковных ценностей?

— С одной стороны, судя по ленинскому письму, рассчитывали получить миллионы и пополнить достаточно растрченную к тому времени казну страны. С другой — надеялись, что вопрос об изъятии церковных ценностей, если его подать определенным образом, будет камнем преткновения для многих церковных людей. Это было вмешательством во внутреннюю жизнь церкви, и было понятно, что церковные люди, иерархия будут против такого вмешательства. Известно, что изначально сама церковь сделала очень много для голодающих, собрала большие суммы денег. Деньги были у церкви экспроприированы, и куда они делись, никто не знает.

— Удалось ли власти достичь поставленных целей?

— С одной стороны, получается, что удалось, потому что, во-первых, церковь была широко скомпрометирована, потому что этому содействовала очень серьезная газетная кампания: советская пресса распространяла клевету, при этом церковь обвинялась в том, что она отказывается помогать голодающим. Надо сказать, что некоторые священники очень серьезно сомневались, что эти деньги пойдут на голодающих, и в этом они были правы. И мне кажется, что и сегодня церковь нуждается в оправдании от этой клеветы, которой верят многие наши современники. И я, например, знаю, что в Шуе, когда установили памятник погибшим в центре города рядом с собором, где происходило столкновение во время изъятия церковных ценностей, были отклики в печати, и в том числе негативные. Писали, что все же было ясно — церковь просто не хотела ничего делать для голодающих, зачем сейчас поднимать те документы и вспоминать те имена.

Если вернуться к событиям того времени, то следующим шагом властей было инициирование обновленческого раскола, и этим удалось церковь обескровить, обессилить. Это тоже дало повод уничтожить людей, которые не поддерживали обновленцев (а власть обновленцев поддерживала); не регистрировать приходские общины, которые были не обновленческими (в то время как обновленческие общины регистрировали).

Да, это была очень успешная кампания, с точки зрения власти.

— Я, конечно, понимаю, что история не знает сослагательного наклонения, и все же был ли у церкви какой-то выход, которого она не увидела в той ситуации?

— Церковь, конечно, была совершенно не готова к таким отношениям с властью и государством. Она привыкла за многие столетия к союзу с государством, своему господствующему положению. Поэтому чтобы перестроиться и понять, с кем она имеет дело, действительно пришлось пройти многие испытания — это видно и по посланиям Патриарха Тихона, это видно по реакции многих епископов, священников, других церковных людей. Хотя все-таки, каким будет размах этих гонений, было совершенно не ясно никому — сложно было предположить, что власть будет тотально уничтожать церковь. Никто даже не мог представить, что церковь хотят вынести за скобки. Никто в нашем народе не представлял, что любой его представитель и человек из любой социальной прослойки может быть вынесен за скобки просто так, без всяких причин. К этому, наверное, невозможно было подготовиться.

А то, что у церкви не было опыта жизни без покровительства государства и без тесного союза с государством, повлияло на эту ситуацию. Вовремя не было выработано каких-то церковных механизмов, структур; самостоятельности церкви в этом смысле не было.

Важно еще отметить, что действия властей, вся эта кампания были не только антицерковными, но и антинародными, направленными против людей всех сословий — ведь против изъятия церковных ценностей выступали и представители интеллигенции, и рабочие, и крестьяне.

Беседовала Юлия Балакшина

Продолжение темы — на с. 8

БУНТ ДОБРА

Из материалов семинара «Русская катастрофа XX века и пути преодоления ее последствий»

Окончание. Начало на с. 1

Ольга Седаква: Другая возможность — сравнивать «нашего» человека с его же современником с наиболее близким нам складом, т.е. с человеком, воспитанным той же христианской цивилизацией, — с европейцем, американцем. Здесь тоже очень многое становится видно. В первую очередь, я бы сказала, неприветливость нашего. И как за эту неприветливость держатся, считая улыбку и учтивость «фальшивыми» и «притворными».

Иначе говоря: чтобы понять советский и постсоветский синдром, нужно выйти за его пределы. Почему наши исследователи не могут его уловить? Они сами внутри, и потому не видят многого. Но то, что не очень заметно для нас, хорошо видно со стороны. «Русские (всех, кто отсюда, они называют русскими) с их цинизмом и фатализмом...» — вот фраза, которую в небольших вариациях я читала в итальянских, французских, английских газетах. Вот черты, отмеченные в постсоветском человеке «посторонним» взглядом. Цинизм и фатализм.

Оба эти свойства характерны для несвободного человека. О фатализме я не буду сейчас говорить. Цинизм, мне кажется, важнее. Одна сторона этого цинизма: все хорошее не то чтобы поставлено под подозрение, но заведомо считается видимостью, притворством, «а на самом деле...». Во всем и во всех предполагаются какие-нибудь скрытые недостойные свойства и мотивы, в каждой ситуации выискиваются некие «скрытые механизмы». Высказываются невероятные паранойяльные подозрения — и еще бы, это отношение «бдительности» и «разоблачений» внушалось в течение десятилетий («Будьте бдительны! Враг не дремлет!»). Другая сторона этого цинизма — это позволение себе переступать нормы, которые, вообще говоря, нельзя переступать. Человек знает, что это нехорошо, нельзя. Но если нужно... тогда можно. «И все так делают», убежден циник.

Эти два свойства наших современников, соотечественников — цинизм и фатализм — поражают мир. Они проявляются в каждой самой простой реплике. То, что ужасает или возмущает всех, для циника — в порядке вещей. Избавиться от цинизма (которого наш человек в себе, как правило, не различает) почти невозможно — это как вернуть утраченную невинность. Конечно, эти свойства выработаны семидесятилетней воспитательной системой, которая называлась у нас государством. Кроме воспитания отдельного гражданина, из поколения в поколение производилась селекция: все те, кто более других склонен к честности, достоинству, самостоятельности, в ком действует императив личного достоинства, разным образом исключались из общественной жизни, да и просто из жизни.

Но у «воспитательной системы» кроме кнута (центральным пунктом «воспитания» и «перевоспитания» был, как известно, лагерь) был еще и пряник: миф коммунизма. Позавчера я смотрела «Светлый путь» с Любовью Орловой. Вот лучшее выражение советской сказки. Это как пресловутая «американская мечта», но, пожалуй, еще краше. И советские люди, наше старшее поколение, они ведь на самом деле жили этой сказкой, которая манипулирует как раз не самыми низкими, а наоборот, хорошими человеческими свойствами. «Мы вместе, мы всего можем достичь, у нас самый ничтожный человек будет наверху»... Одним словом, сказка сбывается наяву, а сказка — хороший жанр. Это жанр желаний человеческого сердца, добрых желаний: чтобы все в мире исправилось, убогий стал великим и т.п. Каким-то краем сказка совпадает с христианской надеждой: последний становится первым, «за столом никто у нас не лишний». Интересно, что эта блистательно воплощенная в советском кино сказка абсолютно не предписывалась к исполнению. Ведь если посмотреть на героев советской мечты, то это все люди смелые, открытые, простые. Конечно, зритель понимал, что ему так себя вести не следует: он быстро узнает, чем такое заканчивается. Но, тем не менее, идеал был таким: мы простые, открытые, нам все моря по колено. На нашем пути только ничтожные и мелкие отрицательные герои — например, бюрократ, который не понимает, что надо работать на ста станках сразу. Но добро всегда, и очень легко побеждает.

Так вот, постсоветский и даже позднесоветский человек — это человек, у которого отняли сказку. Он в неё больше не верит. И позднесоветское общество было уже совершенно циническим обществом, а в постсоветское время всеобщий цинизм просто вышел наружу. У этого цинизма есть своя догматическая основа, о которой мне хотелось бы когда-нибудь написать, своя антропология: антропология КГБ (как бы эти «органы» ни назывались), идея человека, из которой исходит тайная полиция. Она прямо «теоретически» нигде не записана, но её можно извлечь из практики работы с человеком. Она состоит в том, что человек абсолютно несамостоятелен: если он что-то делает, то его подкупили или агитировали. Он сам ничего не решает. Он или чей-то агент, или подкуплен, или заманирован. У него как бы нет своего внутреннего мира, откуда происходит решение. С одной стороны, это существо пустое, с ним можно делать что угодно. Но с другой стороны, это существо истинно плохое. Они («органы») хорошо знают, что человек слаб, пуглив и корыстен. Эта дьявольская машина умеет работать со слабостями человека, она знает, на какие кнопки нажимать. Как запугать, как подкупить, как «убедить», как «подсказать». Она использует и совсем не плохие свойства — например, ответственность за других (за семью, за работу, за близких). И редко, редко, но все же эта система порой сталкивается со своей неэффективностью. Константин фон Эгерт, прекрасный журналист, где-то заметил, что циническое суждение в 99% случаев оказывается правдой — и промахивается в одном. Но этот-то один процент — исторический! Так эта антропология, которая, казалось бы, действует безотказно (ведь у всякого человека есть слабые точки), вдруг наталкивается на такого, кто не позволяет на эти «кнопки» нажимать. И

тут те, кто привык «справляться» с людьми, не знают, как с этим быть, они просто перестают понимать: почему? Почему академик Сахаров не повелся, как все? Их антропология такого случая не предполагает. Так что это не просто откровенная клевета, когда теперь говорят, что люди вышли на улицу, потому что им за это американский Госдеп заплатил, — это единственно возможное для кого-то объяснение. Мотивацией может быть только корысть. Лозунги, с которыми идут люди, — «не оскорбляйте мое достоинство!» — они просто не могут прочесть. Понятия личного достоинства в этой антропологии нет. Саму его возможность в советском человеке истребляли. Какое достоинство, если он должен быть «беззаветно предан»?

Теперь я скажу о том, что появилось в нашей действительности несветского. Уже два года, как я чувствовала, что что-то готовится, что-то будет происходить. Все более и более настойчиво стали появляться сведения о том, что люди объединяются для того, чтобы сделать что-нибудь хорошее. Тушение пожаров — это все видели. Но есть много такого, что остается невидимым. И этих людей-невидимок, тех, кто помогает больным, организует что-то для сирот, оказывается очень много. И у нас это абсолютно новая вещь. Ни в советское, ни в постсоветское время этого не было. Причем люди, которые для этого соединяются, чаще всего не связаны с церковью, у них не христианская мотивировка. Они просто хотят делать что-то хорошее. И делать вместе. И тем самым, они становятся похожими на своих западных современников и на тех русских, которые считали свою жизнь неполноценной, если чего-то не делали для общего блага, для блага других. И то, что начинается, то, что я вижу сейчас самого нового у нас, — это объединение людей, которые хотят что-то делать вместе, и, как оказывается, могут делать то, чего не может всемогущее государство — как во время пожаров или катастрофы в аэропорту. Здесь кончается пресловутый «русский фатализм».

И на нынешних «снежных» демонстрациях, где, конечно, есть самые разные люди, есть и эта часть, которая иногда себя называет «люди-невидимки». И для меня эти две вещи — желание делать что-то хорошее самим и вместе и выход на «снежную» демонстрацию не с лозунгами «дайте мне то-то или то-то...», а «мы не позволим, чтобы нас оскорбляли» — связаны между собой. Человек, объединяющийся с другими, чтобы кому-то помочь, это уже совсем другой человек, потому что когда он так поступает, возрождается его достоинство. Он, в отличие от циника, не считает, что он последний человек, он не никто — «как все».

И это возрождение достоинства будет, я думаю, потихоньку действовать и расширяться. В разные стороны, изгоняя «постсоветское». Кроме цинизма и фатализма, о которых мы говорили, одним из самых враждебных свойств советского — и в меньшей степени постсоветского — человека для меня лично всегда была какая-то тяга к грубости, стремление унижить другого. Человек с достоинством этого просто не хочет. Поэтому я думаю, что бороться нужно, например, не с употреблением мата, а за то, чтобы человек пришел в такое состояние, когда ему самому это будет противно и он не позволит ни себе, ни другим пользоваться грязными словами. Так что в этом возрождении достоинства — решение очень многих проблем.

Священник Георгий Кочетков: /.../ Постсоветский человек — это, прежде всего, наследник совершенно разрушенного общества, внутренне не только не свободного, но и бескачественного и, более того, стремящегося к тому, чтобы этих качеств не было. Постсоветский человек сам не знает, чего он хочет, поэтому для него и возможно все бросить и уехать из страны. Цинизм и фатализм, о которых говорила Ольга Александровна, характеризуют не русского, а, как она правильно оговорила, постсоветского человека. Даже не советского, потому что в советское время были разные периоды. Но это то, к чему пришло советское общество, и то, что пытается поддерживать нынешняя власть.

Но так жить нельзя. Никакое общество, даже никакое «народонаселение» и никакая «территория» так существовать не может. Поэтому многие и говорят: пройдет десять лет — и здесь будет власть китайцев или еще кого-нибудь. И не важно, какую модель выстроить: предполагается, что здесь будет просто пустыня, поскольку русская катастрофа уже так далеко зашла, что возродиться ничто русское и качественное не может.

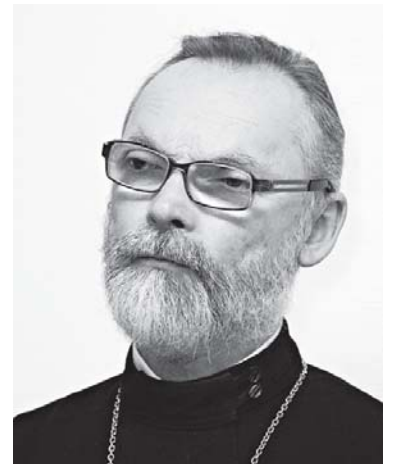
И вот в последние годы действительно появляются какие-то новые ростки. Меня это поразило в двух проявлениях. Во-первых, когда я увидел, что на оглашение стало приходиться очень много молодежи восьмидесятых годов рождения и начала девяностых. Это произошло вдруг, неожиданно и резко, в последние годы. Причем это повторяется из раза в раз, из года в год, из города в город — не только в Москве и Петербурге, но и в областных городах, чуть ли не в районных.

Во-вторых, вдруг появились доброты, которые хотят просто помогать. Я редко спускаюсь в метро по обстоятельствам своей жизни*, редко бываю в общественном транспорте и вообще на улице, но все-таки иногда бываю, и не только в паломничествах. И поэтому всякие перемены я чувствую, может быть, острее, чем другие. Несколько лет назад я вышел где-то на площади Курского вокзала, поставил тяжелый чемодан. Тут же подбегает какой-то водитель джипа и говорит: давайте, я Вам поднесу. Он не знает о том, как я себя чувствую, хорошо или плохо, он просто берет и мне помогает.

Эти тенденции действительно вырастают из почвы, причем повсеместно, хотя и немного по-разному. Появились люди, которые не хотят уезжать, у которых нет черного уныния, которые надеются здесь жить сами и хотят, чтобы здесь жили их потомки. Для них Россия не временное пристанище, не перевал. А это уже иное самосознание и самочувствие. Люди действительно хотят жить на этой земле, и поэтому они хотят что-то на ней сделать, а значит, появилась явная тяга к качествам жизни, причем уже не только индивидуальным. Вот это важно!

Так что возникает некая надежда, некое упование на то, что эти живые силы хотя бы просто друг на друга посмотрят и, может быть, начнут общаться. Может быть, выделятся какие-то кристаллы, какие-то лидеры, какие-то люди, которые способны что-то осмыслить. Ведь сейчас это пробуждение практическое безлично. Оно интересно, оно живое, оно говорит о том, что под почвой что-то зашевелилось, но чтобы этому вылезти на поверхность, нужны личности.

Если же говорить о преодолении постсоветского синдрома, то,

прежде всего, мы должны понимать, что постсоветский синдром — это, на мой взгляд, просто некие миазмы, исходящие от советского «трупца». Простите меня за крайность формулировки, но это трупный запах. Постсоветское общество, постсоветский народ, постсоветская идеология, постсоветская политика, постсоветская экономика — это всё трупный дух. И один из признаков этого мертвеческого состояния — как раз то, что нет лидеров, нет примеров, нет авторитетов, нет общепризнанных иерархий ценностей, качеств, уж про средства я не говорю... А преодолеть эти вещи можно только «усилием Воскресения»**.

Люди могут возродиться, они могут выйти из этого состояния. Их может исцелить Господь Бог, их может исцелить какое-то настоящее вдохновение. Собственно, что мы делаем на оглашении? По сути только этим и занимаемся. Полтора года мы пытаемся человеку привить эту возможность жить по вдохновению и воодушевлению. И тогда естественно возникает и общение, и братолюбие, и жертвенность, тогда возникают смыслы в достаточном многообразии, возникает творческая позиция, когда эти смыслы могут рождаться творчески, — т.е. возникает все то, что в идеале должно быть в любой нормальной церковной среде.

К сожалению, в нынешней церковной среде этого в принципе нет, и, хуже того, все это не считается церковным. А кем-то это считается чуть ли не антицерковным. Вы все помните примеры, когда священники отказывались причащать наших братьев и сестер только потому, что они стояли в храме вместе и шли к чаше вместе. Это было достаточным основанием, чтобы отлучать их от причастия: «Почему вы вместе? Все порознь, а вы вместе! Вы с ума сошли! Если вы вместе, значит, вы секта. Если вы собрались дома — вы секта. Если вы читаете Писание — вы секта. Если вы молитесь по-русски — вы секта». И это не вопрос достоинства или недостойнства русского или церковнославянского языка или качества перевода. Это вопрос совсем другой, вопрос возможности жить в соответствии с какими-то представлениями о качествах.

Но живые силы и в церкви, и в обществе есть и их надо собирать. Собирать, конечно, не ради себя, не во имя свое, не для облегчения нашей собственной жизни, а для того, чтобы началась жизнь в нашей стране, чтобы в ней могло родиться общество, чтобы был народ. Тогда будет и государство, и политика, и экономика и все остальное, может быть, сможет встать на свое место...

* Имеется в виду тяжелая форма диабета
** Слова из стихотворения Бориса Пастернака «На Страстной»

МЕСТО ВСТРЕЧИ

25 февраля в Свято-Филаретовском православно-христианском институте состоялась XVIII ежегодная научная конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов «Сретенские чтения». В этом году Свято-Филаретовский институт проводит ее в сотрудничестве с Русской христианской гуманитарной академией (Санкт-Петербург), где за день до этого открылась научно-практическая психологическая конференция «Психея и Пневма».

В чтениях приняли участие более 200 человек из 21 города и 11 духовных школ, светских вузов и научных организаций. В их числе — СФИ, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, Институт перевода Библии, Новокузнецкая православная духовная семинария (НПДС), РПУ св. Иоанна Богослова, Русская христианская гуманитарная академия (РХГА), СПбГУ, Санкт-Петербургская православная духовная академия, Смоленская православная духовная семинария (СПДС).

Всего на конференции прозвучало 35 докладов — три на пленарном заседании и 32 на пяти секциях: миссиологии и катехетики, богословия и литургики, церковно-исторической, Священного писания и библеистики, религиозоведения и философии. Наиболее многочисленной и по количеству прозвучавших докладов, и по количеству участников стала секция миссиологии и катехетики. На ней обсуждались особенности свидетельства о Церкви оглашаемым на разных этапах, проблемы поручительства, также говорилось о соотношении главных и второстепенных аспектов миссии, современная огласительная практика сопоставлялась с практикой свт. Иоанна Златоуста. Актуально прозвучал доклад Ксении Коротчук (СФИ), посвященный богословно-миссии предстоятеля Албанской православной церкви архиепископа Анастасия (Янулатоса).

Как отметил проректор СФИ Дмитрий Гасак, цель «Сретенских чтений» — не только понять, как решались те или иные непротые вопросы в истории церкви, но и увидеть их в контексте современной церковной жизни, посмотреть на каждую проблему с разных сторон и создать поле общения и взаимопонимания, а не просто внешней лояльности.

Сотрудники сайта СФИ и нашей газеты попросили устроителей и участников конференции сказать несколько слов о своих впечатлениях, а также о церковном, научном и образовательном значении конференции.

О.Г. Ребизов, проректор по учебной работе Смоленской духовной семинарии: Наша семинария больше десяти лет сотрудничает со Свято-Филаретовским институтом. Мы принимаем паломнические группы студентов и преподавателей института, профессор СФИ Александр Михайлович Копиров-

Заседание секции миссиологии и катехетики

ский приезжает к нам с чтением лекций по церковной археологии — а наши студенты часто ездят на Сретенские чтения. Но сам я здесь, в Свято-Филаретовском институте, в первый раз.

Вообще говоря, всякое знакомство с другими учебными заведениями, с новыми людьми и профессорско-преподавательской корпорацией обогащает человека, дает ему новый духовный опыт; кроме того, оно позволяет увидеть те вещи, на которые он, может быть, не обращает внимания в своей родной школе. Это стимул и для увеличения опыта знаний, обретения научной базы. Я считаю, что это весьма полезно, и чем чаще студенты наших церковных вузов будут общаться друг с другом, тем будет лучше.

Что же касается меня лично, впечатления от конференции у меня очень приятные. Я выступал на пленарном заседании с докладом «Археологические исследования Александрии Египетской: проблемы и перспективы». Вопросы аудитории мне очень понравились. Я участвовал и в работе секции Священного Писания, на которой были представлены два доклада. Должен отметить хороший уровень продемонстрированных студентами знаний. Более того: было видно, что свои темы, весьма интересные и актуальные, соотносят с практической жизнью современного христианина, они изучают, вкладывая в это душу, свои силы и устремления.

И мне хотелось бы пожелать всем студентам и участникам конференции совер-

шенствоваться в своих знаниях, искренне к ним стремиться и в то же время трезвиться, чтобы эти знания назидали, а не приводили человека к гордости.

З.М. Дашевская, декан богословского факультета СФИ: Мне представляется, что такие конференции очень нужны — для того, чтобы учащиеся духовных школ и светских учебных заведений имели площадку для свободного диалога и дискуссий по актуальным проблемам современной церковной жизни, для обсуждения богословских вопросов и проблем литургической, канонической сторон жизни церкви, её истории. Ведь в процессе получения образования студенты должны научиться выявлять какие-то, может быть, неоднозначные оценки, понятия, подходы, а также иметь возможность представить результаты своих исследований. Очень важно, чтобы существовало открытое пространство для такого обсуждения, чтобы у студентов была возможность услышать и увидеть друг друга, встретиться в поле академической дискуссии, не теряя братского, церковного общения. И я очень рада, что эта конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов вот уже восемнадцатый год собирает в нашем Институте полные аудитории. Общение действительно создается с милостью Божией при усилении участников, которые прилагают для этого немалое старание. Для студентов «Сретенские чтения» — одна из ступеней повышения академического, профессионального уровня

и квалификации, и видно, что и студентам нашего Института, и студентам других вузов есть что представить, есть о чем говорить, есть о чем дискутировать. Так что, на мой взгляд, эти конференции приносят большое вдохновение. К счастью, нам пока удается избегать хорошо известного образа конференций, на которых в аудитории сидят только одни докладчики, которые уходят по прочтении своих докладов. Ведь когда есть пространство для дискуссии и когда происходит настоящая встреча (не зря чтения называются Сретенскими), это очень радостно, за что слава Богу!

Иван Петров, СПбГУ: Я в первый раз участвую в богословской конференции. Впечатления самые положительные: в отличие от многих светских конференций все обсуждается, нет запретных тем. Происходит живая дискуссия между преподавателями и студентами. Мне кажется очень важным для нашего поколения, для современной церковной жизни стремление обратиться к опыту новомучеников и воспринять этот опыт в чистом, не политизированном виде. И в Свято-Филаретовском институте, в том числе и на этой конференции, происходит этот процесс живого и разностороннего, исторического и богословского осмысления опыта новых мучеников и всего течения русской истории, истории Русской церкви.

Иван Негреев, РПУ св. Иоанна Богослова: Я уже второй раз участвую в «Сретенских чтениях». Очень радостно сюда приходить, потому что здесь люди искренне рады друг другу. Самая прямая образовательная польза от конференции — непосредственный прирост знаний. Нужно отметить высокий уровень докладчиков, среди которых есть очень талантливые люди и именитые специалисты. На секции религиозоведения представлены очень разные доклады, некоторые из них мне особенно интересны. Хотелось бы, чтобы было больше докладов по сравнительному религиозоведению. Что касается церковного значения конференции, это всегда встреча, потому что сюда приходят люди более церковные, менее церковные, верующие и неверующие. Здесь можно узнать хорошее христианство и увидеть пример хороших христиан.

В заключение рассказа о конференции мы печатаем один из прозвучавших на ней докладов. Другие доклады будут опубликованы на сайте СФИ, с частью из них мы познакомим и читателей нашей газеты.

По материалам новости, подготовленной Информационной службой СФИ
Фото Александры Строцовой

Рационализм Декарта и идеальное конструирование: истоки антропологических проблем, стоящих перед современным христианским сознанием

Данное сообщение родилось как отклик на спецкурс «Вопросы антропологии в философии религии», который проводился в этом году для студентов магистратуры СФИ.

Этот спецкурс особенно заострил для меня проблематику интеллектуальной парадигмы эпохи Просвещения. Хотя Просвещение, понимаемое как наивно оптимистический тотальный рационализм, уже невозможно и в этом смысле пройдено, снято, тем не менее мы живем в некую переходную эпоху, потому что интеллектуальная и практическая человеческая деятельность по-прежнему во многом определяется просвещенческими установками. Каковы эти установки? В настоящее время они прежде всего заключаются в проективном характере нашей деятельности, направленной на изменение самих себя и окружающего мира. А эта деятельность зиждется на специфической теоретической основе — на интеллектуальном конструировании. Суть интеллектуального конструирования — в том виде, как оно зародилось в Новое время, — заключается в активном задействовании различных логически связанных идеальных понятий-объектов («конструктов»), призванных сделать познание системы человек — Бог — мир максимально ясным и отчетливым (употребляя знаменитые характеристики истинного знания, введенные Декартом). В отличие, например, от платоновских эйдосов, за этими объектами не предполагается обязательно реальное существование. Скорее, они воспринимаются как элементы некой абстрактной модели, могущей объяснить действительность и содей-

ствовать ее практическому преобразованию. Не случайно зарождение этой традиции связано с кардинальным изменением роли и значения математики в интеллектуальной деятельности. При этом — парадоксально — возникающие «конструкты» начинают проявлять некую «обратную связь», оказывать непосредственное воздействие на способ наших отношений с Богом, миром, другими людьми, да и на сам модус нашего собственного человеческого существования. Иными словами, здесь возникает поле многих антропологических проблем.

Актуальность этой проблематики для христианского сознания усиливается еще и теми последствиями, к которым привело интеллектуальное конструирование в XIX–XX вв. А именно, оно закономерно привело к отрицанию своих собственных «конструктов»: «смерти бога» (Ницше; Хайдеггер, Фуко), потом к «смерти человека» и «смерти природы». В случае мира и человека, как всем известно, затронутыми оказались не только сами «конструкты», но и коррелятивные им реальности. «Смерть человека» выразилась в антропологических катастрофах XX века, «смерть природы» — во всемирном экологическом кризисе.

В свете указанных обстоятельств представляется важным и интересным обращение к Декарту — основоположнику рационалистического метода. В нем особенно интересны две парадоксально сочетавшиеся перспективы:

1) изначальное радикальное сомнение, прежде всего, в собственном существовании; удивление, ужас от необоснованнос-

ти человеческого бытия, от неспособности самостоятельно прийти в бытие и подерживать его (какой силой я есмь?); иными словами, самочувствие, близкое к экзистенциальному (в терминологии XX века);

2) тем, как из этого сомнения рождается ответ — математически ясный, четкий, спокойный; как из такого горячего вопроса рождается настолько холодный, идеологический ответ?

Любопытен известный факт, что схожая с декартовским *cogito (Cogito, ergo sum — «Мыслю, следовательно, существую»)* интеллектуальная работа была в свое время проделана Августином. В его случае (как ответ философом скептицизму на сомнение в существовании Бога) результат этой работы был отчеканен в формуле: *Si fallor, sum* («Если я ошибаюсь, я существую»). Из схожей ситуации — глубокого «экзистенциального» кризиса, возникшего благодаря сомнению, рожденному строгой и последовательной мыслительной пытливостью, — Августин и Декарт находят разные выходы. В случае Августина бездна сомнения преодолевается рывком веры, которая дарует внутренний покой, освобождая при этом силы ума от связанности мертвящим скепсисом. В случае Декарта поработавший гипнотизм сомнения также преодолевается, но уже для того, чтобы разум целиком обратился к исследованию мира. «В то время как *cogito* Августина умиротворяет, преобразая все в Боге, *cogito* Декарта проблематизирует всё остальное, в том смысле, что после обретения истины собственного существования нужно обратиться к завоеванию отличной от нашего

«Я» реальности, постоянно стремясь при этом к ясности и отчетливости».

Декарт заново формулирует «онтологическое» доказательство бытия Божьего, сходное с ансельмовым. Но внутренняя задача этого доказательства заключается в том, чтобы совершить легитимацию суверенного человеческого познания. Совершенство Бога является залогом неизменности законов мира, которые открыты познающему человеческому интеллекту. Получается любопытный факт: утверждение онтологического статуса Бога требует Декарту не само по себе (чтобы тем или иным образом обосновать божественное бытие), идея Бога-Творца оказывается не самоочевидной. Она нужна лишь для обеспечения возможности универсального знания. Всемогущий Бог выступает просто как некий гарант неизменности мира и его законов, доступных познающему субъекту, вооруженному «методом».

Отсюда ретроспективно уже нетрудно увидеть зарождение тенденции, которая в дальнейшем развивалась в направлении все большего ослабления связей с Богом в системе отношений Бог — мир — человек.

Что мы имеем на текущий момент? «Смерть» (конструктов) Бога, человека и мира — новая возможность возобновления горячего вопрошания о себе как о человеке, а значит и о Боге, и о мире. В этом, на мой взгляд, заключается новая миссионерская ситуация, новая возможность для христианского свидетельства.

Из сообщения Максима Дементьева, прозвучавшего на секции религиозоведения и философии

РОССИЯ ОТКРЫВАЕТСЯ «НОВОМУ ХРИСТИАНСТВУ»

Доклад О.А. Седаковой на конференции «Человек: кризис и желание счастья. Что может сказать Церковь сегодня?» в Сериате (Италия) в октябре 2011 г.

Тема современного состояния отношений светской культуры и Церкви в России для меня совсем не ясна. Поэтому я начну с того, что мне ясно: с совсем кратких замечаний о таких встречах в нашей истории. Их немало. Как известно, Александр Пушкин и великий русский святой Серафим Саровский были современниками, но представить их встречу (их взаимное знание друг о друге) немислимо. Светская культура после петровского времени и церковная жизнь располагались в разных пространствах. Первым разрывом этой изоляции была эпоха Серебряного века.

Те, кто занимается русской историей и русской культурой, знают, какие богатые плоды принесла эта встреча. Русские «религиозные философы», как называют Бердяева, Флоренского, Булгакова, Шестова и других, давно переводятся, читаются и обсуждаются во всем мире, и не только в соборно христианской среде. Темы свободы, личности, человеческого творчества, темы драматизма и парадоксальности христианской веры — среди главных тем Серебряного века, и они еще никогда прежде не были поставлены «в церковной ограде». Для православной традиции в России гораздо характернее была сосредоточенность на верности древнему, «вере отцов», на непреходящем и надвременном. Это отвечало монашескому, аскетическому, созерцательному характеру русской православной духовности. Работа с историческим, со здесь и-теперь в русской культуре XIX века досталась художникам. Недаром в Достоевском часто видят источник всей русской религиозной мысли. Чувство исторического момента, вдохновение пограничной эпохи истории, которую они застали, русские религиозные философы принесли из светской культуры. Русская религиозная мысль во многом осталась мыслью художественной, художнической. Сама же идея художника и творчества в этом его характерном значении, несомненно, пришла в Россию из Европы, вместе со всеми новациями петровских времен. Православное Средневековье на Руси (в общем-то продолжавшееся вплоть до XVIII века) не знало этих послеренессансных образов художника и личного творчества.

Поздним продолжением этого вдохновения можно считать «новое христианство», как оно предстает в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: герой романа, дядя protagonista Николай Веденяпин, расстриженный священник, которому принадлежит весь круг идей романа о «новой истории» и «новом христианстве», о «человеке — художнике», напоминает собирательный портрет русского религиозного философа Серебряного века¹.

История русского православия в XX веке развертывалась не только в географических границах РСФСР, но и в обширной русской диаспоре, возникшей из послереволюционной эмиграции, в которой оказались люди, составлявшие цвет русской культуры. Здесь (и особенно во Франции, в Русском студенческом христианском движении, в парижском Свято-Сергиевом подворье) продолжалась «православная весна» Серебряного века, встреча православия и творческой культуры. Журнал «Вестник РХД», издательство YMCA-Press, публиковавшие и богословские труды, и поэзию и прозу светских авторов, и независимую общественную мысль, несли в себе дух этого просвещенного, светлого, дружественного к современному творчеству православия. Те из нас, кто имели доступ к сам- и тамиздату, жадно читали и переписывали эти запрещенные издания, и они исподволь делали свое дело.

В советской России у Серебряного века не было продолжения — и не могло его быть, по понятным причинам. Серебряный век отправили на «философском пароходе». Эти авторы принадлежали к запрещенным или полузапрещенным, труды их были известны очень немногим (по преимуществу через парижские издания). Наш широкий читатель узнает русскую религиозную мысль только с конца 80-х годов. И пока он, широкий читатель, по-ученически знакомился с только что открывшимися ему трудами Флоренского или Бердяева, он, как правило, не знал или не мог оценить, что сам являлся современником второй такой исторической встречи Церкви и светской культуры. Первым разговором о том, что про-

исходило на теневой стороне, в неофициальном пространстве культуры конца 60-х — начала 80-х лет (эпоха, которую философ В.В. Бибихин назвал «новым ренессансом»), стал четырехсерийный фильм А. Архангельского «Жара». Фильм обозначил эту эпоху, дал увидеть ее действующих лиц (естественно, далеко не всех); он и не пытался наметить темы, в которые в это время была погружена мысль ученых, художников, писателей, музыкантов. И понятно: задача проекта был другой.

Подпольное «возвращение к вере» интеллигентов и художников 70-х годов после десятилетий принудительного атеизма чем-то напоминало «религиозное возрождение» Серебряного века — и в чем-то очень от него отличалось. Напоминало прежде всего непосредственным ощущением какого-то нового вдохновения, которое коснулось многих и которое несло в себе чувство освобождения, явления новой глубины, широко раскрывшейся перспективы. «Вдруг стало видно далеко вокруг», словами Гоголя. Церковь (точнее: христианство, еще точнее: очень мало определенная «религиозность»; М. Эпштейн, мой однокурсник по филфаку МГУ и уже давно американский профессор, описал этот феномен под именем «бедная религия») и свободное творчество, художественное и интеллектуальное, встретились, можно сказать, в катакомбах, потому что и то и другое подвергалось советской идеологией самым жестким гонениям. Если православная Церковь с самого 1917 года приобрела еще до сих пор не сочтенное множество новых мучеников и свидетелей веры, то и свободное творчество показало множество своих мучеников и свидетелей, которыми стали лучшие художники, ученые и мыслители, убитые и затравленные за верность свободному человеческому гению и его истории.

*За гремящую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей, —*
так называет предмет своего исповедничества О. Мандельштам.

По утопическому проекту страна должна была к определенному году стать 100% безбожной, а искусство — 100% «пролетарским», то есть популистским и идеологически управляемым, как в своем «содержании», так и в «форме». Что касается мысли, необходимость в ней просто отпала: «едиственно верное учение», вулгаризованный марксизм уже дал ответы на все вопросы, исторические, социальные, естественнонаучные (исходя из этого громили «чуждые», «идеалистические» и «буржуазные» направления в биологии и лингвистике, и во многих других областях исследования). Единственной разновидностью человеческого творчества, в которой это государство нуждалось и которую превозносило, была техника, обещающая «победу над природой». Все эти утопические проекты — ни первый (тотального безбожия), ни второй (целиком управляемого искусства), ни третий (целиком идеологически контролируемой науки) — не осуществились во всей чистоте. Но и в своем частичном исполнении они оставили по себе реки крови, общее понижение ментального потенциала страны, всеобщее невежество во множестве гуманитарных областей.

Ветер освобождения, который неожиданно поднялся в конце 60-х, сблизил свободную светскую культуру с духовной традицией — и с гонимой Православной Церковью.

И эта встреча, как первая, о которой мы говорили, религиозный ренессанс начала XX века, принесла плоды, уже получившие мировое признание (фильмы А. Тарковского, музыка А. Пярта, В. Сильвестрова, проза Венедикта Ерофеева), и те, которые еще начинают узнаваться (иератическая живопись М. Шварцмана, мысль В. Бибихина, поэзия Самиздата). Центральной фигурой этого «нового религиозного возрождения» в светской культуре, учителем для многих его действующих лиц стал С.С. Аверинцев. Имя Аверинцева известно в Италии. В настоящее время готовится большой том его работ на итальянском языке «Verbo di Dio e parola dell'uomo», построенный вокруг центральной темы его творчества — Софии Премудрости Божией. Обстоятельства времени, не допускавшие прямого богословско-

го дискурса, способствовали возникновению особого рода, особого жанра: филологического в своих истоках, но выходящего к широчайшим герменевтическим перспективам. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», по русской пословице. В целях конспирации, для отвода глаз начальства и цензуры, Аверинцев разработал виртуозный способ рассмотрения самых центральных тем веры и доктрины — в виде ученого комментария к какому-то, по видимости очень частному, моменту. Аверинцев умел писать — а мы умели читать его «прикровенное письмо». Так был найден язык богословствования и проповеди, которого прежде не было, — и который как нельзя лучше отвечал тому, что примет наш современник: размышление, разыскание без поверхностной морализации, без доктринальных деклараций, — непосредственно и глубоко вовлекающее читателя в сам мир действия премудрости, в мир смыслов и связей между смыслами.

Синтез светской учености, гениальной интуиции и личной веры в трудах Аверинцева открыл новые возможности и для светской гуманитаристики (они построены на идее общения, а не принятого как единственно «научный» отстраненного объективного описания), и для церковной мысли. Аверинцев, его словами, пришел «строить мосты над реками невежества» — тяжелого невежества, созданного «темными десятилетиями» советской индоктринации, когда железный занавес отделял человека не только от мировой современности, но и от всей культурной традиции. Аверинцев не был, тем не менее, просветителем в том смысле, что просто делился с «невегласами» своей сказочной эрудицией: он создавал новые смыслы — и в прямой связи с историческим моментом, который он очень остро чувствовал.

Если мыслители Серебряного века впервые в русской истории поставили, как я уже говорила, темы свободы, личности, истории, творчества как темы религиозные, то нерв аверинцевской новизны была, я думаю, тема новой рациональности (новой по отношению к рациональности просвещенческой — и уходящей корнями в библейское представление Мудрости)². Наследник Серебряного века, Аверинцев в определенных моментах полемизирует с ним, внося в русскую религиозную мысль коррективы, которые заставила обдумать история XX века. Среди них — самое решительное отторжение любого утопизма и требование глубочайшей трезвости и диалогичности мысли («давать себя переспрашивать»). Вероятно, первым среди всех известных русских мыслителей Аверинцев переступил постоянное и фундаментальное разделение на Россию — и весь остальной (особенно западный) мир, не становясь при этом «западником», но видя свою страну как участницу мировой христианской цивилизации. Это важнейший переворот в многовековой инерции русской мысли. Словами философа В. Бибихина, Аверинцев дал увидеть христианство как общительность и общение, способное принять в себя все доброе из созданного человечеством.

Аверинцев еще не прочитан, не продуман и не усвоен ни нашей гуманитарной светской культурой, ни Церковью. Можно надеяться, что сделанное им принадлежит будущему — и как мне хотелось бы, чтобы это было близкое будущее!

Наследниками С.С. Аверинцева, как ни удивительно, стали не его коллеги-гуманитарии, а православное мирянское движение «Преображенское содружество малых братств», основанное свящ. Георгием Кочетковым. Это движение — совершенно новое явление в нашей церковной традиции, и вместе с тем в нем продолжается то, что начиналось в Серебряном веке и продолжалось в парижском Христианском студенческом движении. Среди многих отличительных черт Преображенского содружества (в Москве центр его составляет Свято-Филаретовский православно-христианский институт, а «малые братства» располагаются во многих городах европейской России и в Сибири) — глубокое почтение к культуре, отечественной и мировой, во всей ее сложности, и большое внимание к тому, что называется вызовами современности. Ежегодные конференции, которые проводятся в Свято-Филаретовском институте (на них съезжается не менее тысячи представителей малых братств со всей страны, при-

Свящ. Георгий Кочетков и С.С. Аверинцев. 1997 г. (фото Дмитрия Гасака)

глашаются самые интересные люди светской современной культуры и богословы из других стран) каждый раз предлагают своим участникам значительные для церковной и общественной жизни темы. В частности, в 2011 году конференция была посвящена теме служения в Церкви и обществе. Признаюсь, нигде больше я не встречала такого открытого и заинтересованного общего обсуждения поставленных тем. Здесь готовится и уже происходит новая встреча светской культуры и Церкви, так необходимая нашей современности.

Мне много раз уже приходилось говорить о том, что современная гуманитарная культура, современное художественное творчество подходит к пределу истощения³. Социальный протест, пародия, невротизмы разных типов — вот и все темы, оставшиеся для актуального искусства: уже не искусства отчаяния, как высокий модернизм, а искусства «после отчаяния». Мы знаем, что память о другом мире и другом человеке хранит христианское предание. Но вторая сторона нашего цивилизационного кризиса состоит в том, что и Церковь давно не порождает великих творческих созданий, как это было во времена Фра Беато или Андрея Рублева. Поэтому я говорю о том, что только встреча двух этих сторон открывает нам выход из тупика.

И должна признаться, что никакого другого места, где творческий дар может встретиться с христианским вдохновением, чем сердце человека, отдельно взятого человека, я не вижу. Чтобы это сердце не задохнулось от одиночества и не утратило широты всеобщего, ему нужен хотя бы узкий круг близких, тех, кто испытывает настоящую потребность в том, что он делает. Организационные усилия, культурные инициативы могут способствовать созданию пространства для такой встречи, но могут и мешать. У нас в России, на мой взгляд, они чаще делают последнее. Глубина и свобода, необходимые участники такой встречи, бегут публичных и казенных мест. В современной церковной прессе мы видим господство публицистики, обсуждение злободневных тем или моралистские сочинения. Голоса того, кто поднимает глаза над злобой дня — или увидит эту злобу дня в ее другом, глубинном измерении, как это было в трудах Флоренского или Аверинцева, там не слышно.

Источник: портал Богослов.ру

¹ См. Седакова О. И жизни новизна. О христианстве Бориса Пастернака. // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 10. С. 80–85.

² Я писала об этом подробнее в работе «Апология рационального».

³ См., напр.: «Счастливая тревога глубины. Речь при вручении премии Вл. Соловьева», «В целомудренной бездне стиха. Речь при присвоении степени доктора богословия honoris causa», «Вопрос о человеке в современной секулярной культуре» и др.

КЛЕВЕТУ ПРИЕМЛЯ РАВНОДУШНО?

*Зачем он руку дал клеветникам
ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам
ложным,
Он, с юных лет постигнувший
людей?..
И прежний сняв венок — они венец
терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело...*

*(На смерть поэта.
М.Ю. Лермонтов)*

10 февраля исполнилось 175 лет со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Недавно мне пришлось услышать вопрос о стихотворении «Памятник» из библейского цикла. Пушкин писал его в последний год жизни на Каменном острове, и в нём он обращается к Музе:

*Веленью Божию, о, Муза,
будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

«Но ведь смерть поэта явилась свидетельством глубоко равнодушного отношения к клевете. Нет ли здесь противоречия?» — спросили меня. Размышлениями об этом мне и хотелось бы поделиться.

Весь последний период жизни Пушкина связан с преодолением разрыва между тем, что он говорит как поэт, с какой-то предельной глубиной, тем, что ему открылось как откровение, что он должен сказать, но

не от своего имени — и своей человеческой судьбой. Неслучайно в этом же цикле есть стихотворение «Напрасно я бегу к сионским высотам». Человек несовершенен. Но дар поэта, пророческий дар, эти несовершенства как бы преодолевает, он переплавляет все то, что в человеке может быть недостойно этой «судящей глубины».

Однако в его отношении к клевете нет противоречия, ведь оклеветан был не только он, оклеветана была жена, семья, и он защищал как умел, как мог и как был воспитан честь своей семьи. Но самое, может быть, главное — это то, что он понимал: удар направлен даже не на него как на человека, а на него как на поэта и носителя пророческого дара.

Детали известны, они подробно изложены исследователями (например, Сиреной Витале), однако они не столь важны. Важно то, что почувствовали многие современники Пушкина, прежде всего те, которые сами были поэтами. Они почувствовали, что это травля великого поэта, который говорит от имени народа. И Пушкин это понимал, он защищал даже не свою личную честь. А «честь» — слово для него было очень важное, так же как свобода и милующая любовь: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в свой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал».

Поэтому здесь нет противоречия.

Григорий Волненко
Преподаватель русской литературы
Санкт-Петербург

Сто шестьдесят работ Анатолия Зверева

Взъерошенный автопортрет. 1955-57 гг.

Я, наверное, и не знала бы об этой выставке, но меня буквально забросали электронными письмами с анонсом. Поэтому я и решила сходить туда сама на разведку, чтобы понять, кого туда стоит, а кого не стоит приглашать. В самом помещении литературного музея я до этого никогда не была, поэтому не очень понятно было, какая будет экспозиция. Когда я очутилась в маленьком двухэтажном особнячке, где в открытом гардеробе нужно самому вешать пальто, на меня дохнуло атмосферой скромного музея где-нибудь в небольшом русском городке, где стоит такая особая тишина, где всё очень скромно, но по-домашнему уютно. Днём в будни посетите-

лей очень мало, поэтому эта особая тишина почти ничем не нарушается. Кажется, что даже разговор шёпотом вести не очень прилично. Зато можно смотреть. В отличие от предыдущей выставки, которая проходила прошлой весной в Доме Нащокина, здесь были представлены его ранние работы 1950-х годов. Известно, что большинство работ Зверева находится в частных коллекциях. Вот и эти работы из собрания семьи Натальи и Геннадия Гольдиных. Все они относятся к тому периоду, когда Анатолий Зверев только-только появлялся на художественном небосклоне Москвы. В основном это небольшие рисунки карандашом или углём. Людей или животных. Совсем немного пейзажей, несколько натюрмортов, портретов почти нет. Работ в красках совсем мало. Сначала я была даже немного разочарована. Но потом, присмотревшись, я по-новому увидела его пейзажи, на которые на прошлой выставке я почти не обращала внимания, поскольку для меня они были затенены портретами. Когда я всматривалась в них, было ощущение рождения чего-то из ничего. И этот непередаваемый дух свободы, который характерен для Зверева. Проведя там какое-то время, я вышла именно с этим ощущением свободы, которое сопровождало меня потом весь день. На следующей неделе я пришла ещё раз вместе со своей знакомой, которая до этого никогда не слышала о Звереве и была, как говорится, «на новенького». Сюда вообще хорошо прийти или одному, или с кем-то, с кем можно просто помолчать, особенно ничего не говоря. За всё время на выставке мы перебросились буквально двумя-тремя фразами. Дух свободы моя знакомая почувствовала. И уходила с впечатлением, что в нас много того, что мешает быть вот такими же внутренне свободными, как Зверев, но есть эта тоска, стремление именно к этому духу, который каждый раз творит всё новое.

Александра Буданова

*Выставка продолжается до 18 марта
в Филиале Литературного музея по адресу
Трубниковский пер, 17. <http://www.goslitmuz.ru>*

ВОЗМОЖНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Дорогая редакция, здравствуйте!

Прочла в сентябрьской Кифе №11(133) подборку цитат Г.П. Федотова из его работы «Святые Древней Руси» и порадовалась, поскольку нашла некоторые ответы на вопросы, вставшие передо мной при недавнем посещении Иосифо-Волоцкого монастыря. Я знала, что основой противостояния между «нестяжателями» и «осифлянами» (в транскрипции Г.П. Федотова) была борьба за «начала духовной свободы и мистической жизни» с одной стороны и за «социальную организацию и уставное благочестие» — с другой. И вот мне пришлось побывать в г. Волоколамске и в Иосифо-Волоцком монастыре.

Когда наш экскурсионный автобус уже подъезжал к Волоколамску, наш руководитель, очень чем-то озабоченная, вышла из автобуса и побежала к станции. Чуть позже мы поняли, в чем дело. На территории, прилегающей к монастырю, нам указали на зеленую будочку, стоявшую неподалеку, пояснив, что «удобств на территории монастыря нет». Оказывается, наш руководитель только что пыталась их найти на станции. В двадцатиградусный мороз вопрос об удобствах был не праздным. И тут я подумала, что сам прп. Иосиф, живи он сейчас, наверняка устроил бы все внутри и с евроудобствами, хотя сам он был аскетом и носил почти пудовые вериги.

Когда же я узнала, что сам великий Дионисий был другом прп. Иосифа и даже был женат на его сестре, то подумала, что вот, не было бы больших и великодушных храмов, где бы тогда Дионисий писал свои гениальные фрески? Ведь известно, что монументальная живопись, кроме всего прочего, просто требует больших вложений. Я говорю не о позолоте и куполах, а об иконах и настенной живописи.

Разве нельзя было совместить эти два направления, думала я, ведь разномыслия — это богатство церкви, это признак ее свободы, возможность творчества.

История показала, что нельзя, а вот Г.П. Федотов написал: «Сама по себе противоположность духовных направлений не означает с необходимостью борьбы между ними. Но практические выводы — отношение к монастырским вотчинам и еретикам — сделали борьбу неизбежной». Вот оно что! Значит, все-таки было возможно! Но... «Но перспектива потерять имущества вооружила против заволжцев не одну волоколамскую партию, но и огромное большинство русской церкви». Хотя Г.П. Федотов считает, что «легкая победа осифлянства определилась, конечно, не одними экономическими интересами церковного землевладения, но и общей сродностью, созвучием этого направления государственному делу Москвы, с ее суровой дисциплиной, напряжением всех общественных сил и закрепощением их в тягеле и службе».

Сейчас экономические интересы тоже не стали меньше, а вместо суровой дисциплины Москвы победу «осифлянства» теперь опережают последствия антропологической катастрофы и духовная непроясненность хорошо образованных людей.

В XVI веке борьба «до конца», т.е. до полного истребления инакомыслия, привела ко второму этапу — борьбе с ересями. «Многие, подозреваемые в ереси, грешили лишь вольномыслием или критическим направлением ума. Но в этом же обвиняли и самого Нила», — пишет Г.П. Федотов. Как это созвучно нашему времени! Не потому ли так порой бесплодна наша современная церковная жизнь, что сложившийся порядок вещей в той сфере, которую еще архим. Антонин (Капустин) назы-

вал «системой», таков, что на первое место выходит борьба не «за» — Бога и человека, а «против» — Бога и человека? Ведь угасание мистического направления в русском иночестве и полная победа иосифлянства приводит к тому, как пишет Георгий Петрович, что «в религиозной жизни Руси устанавливается надолго тот тип уставного благочестия... который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам, при всем их восхищении». А у нас сейчас не то же самое? Вспомним преподобномученицу Марию Парижскую (Марию Скобцову) и ее знаменитые «Типы религиозной жизни», обличающие «основной путь московского благочестия». Неслучайно сама она (как и преп. Нил) обвиняется многими «глашатаями церковной правды» и пока не канонизирована Русской православной церковью.

В Волоколамске меня как-то вновь поразил ставший уже обычным факт: в мемориальном комплексе, воздвигнутом в честь павших в Великой Отечественной войне, есть «вечный огонь», а самого огня нет: «газовщики экономят». Как это ассоциируется со словами Георгия Петровича, что Русь горделиво утверждала себя как святую, но «живая святость ее покинула!» Место для огня есть, а самого огня нет, хотя он и называется «вечным». Мать Мария писала об этом в наше время: «Вместо Бога живого, вместо Христа распятого и воскресшего не имеем ли мы тут дела с новым идолом?» Она пишет: «Может быть, глаза, имеющие зрение любви, увидят, как из алтаря, огражденного благолепным иконостасом, тихо и незаметно выходит Христос». Христос выходит в мир, чтобы привести с собой толпу, искаженную грехом, и Его могут не пустить «блудители красоты». Об этом же про-

роцествовал великий пророк Иеремия: «Меня, источник воды живой, оставили и высекали себе водоёмы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер 2:13).

«Вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью». Ф.М. Достоевский точно подметил, что когда недостает истинной свободы, на ее место вступает произвол, прекрасно соседствующий с внешней строгостью.

Г.П. Федотов поражает своим всесторонним анализом, дающим пищу для ума и возможность не только ставить, но и разрешать непростые и острые вопросы нашего времени, связанные с церковью. Недаром он был и глубоким богословом, и талантливым филологом, и честным историком. Редкое сочетание — «три в одном».

Он писал, что «на заре своего бытия

древняя Русь предпочла пути святости путь культуры». Увы, эта односторонность привела к истощению творческих сил, и культура уже не дает полноценных плодов, она сама никого не питает, потому что не питается от божественного источника. И все же, все же, заголовок статьи о Г.П. Федотове и его книге звучит очень обнадеживающе: «Он считал, что в истории царит свобода, а не предопределенность». Нам только нужно обрести эту свободу и не спутать с произволом.

Спасибо редакции, что она напомнила давнюю историю двух святых (св. Нила и св. Иосифа), описанную замечательным церковным писателем Г.П. Федотовым. Она так близка, интересна и поучительна сегодня. И надеюсь, не для меня одной.

Галина Контева

Надератная церковь Иосифо-Волоцкого монастыря

Исполнилось 90 лет с начала кампании по изъятию церковных ценностей — очередного звена в беспрецедентных гонениях советской власти на веру, церковь и собственный народ. 23 февраля 1922 года вышел декрет ВЦИК о насильственном изъятии церковных ценностей под предлогом помощи голодающим. Поясняя впоследствии смысл этой меры, Ленин в письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г. писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления... дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удаться нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»¹.

ГОЛОД И ВЛАСТЬ

С лета 1920-го по март 1921 года по всей России там, где устанавливалась власть большевиков, проводились насильственные изъятия у крестьян почти всего хлеба и иных продуктов. Уже в январе, т.е. задолго до засухи 1921 г., многим крестьянам было нечем кормиться. После весенней засухи народ был сломлен в большинстве губерний. ВЧК вела тщательную статистику «голодных губерний» и уездов с 1919 г. и напрямую связывала уровень голода с масштабом конфискации сельскохозяйственной продукции.

В 1921 г. голод охватил 37 губерний, главным образом в Поволжье, Приуралье и на Юге. В Киевской губернии стали происходить массовые самоубийства крестьян целыми семьями «вследствие непосильственных продналоговых ставок». Летом 1922 года голодало не менее 30 млн человек. Мировую прессу облетели снимки умирающих детей-скелетов и известия о людоедстве, призывы о помощи голодающим.

Американское управление помощью АРА (American Relief Administration) в августе 1921 г. заключило с советским правительством соглашение и с октября 1921 г. по июнь 1923 г. обслуживало в день до 10,5 млн человек (2/5 из них дети). Однако осенью 1922 г. Москва объявила о наличии миллионов тонн зерна, предназначенного на экспорт. Узнав, что советское правительство предлагает зерно на экспорт и активно вывозит золото и драгоценности на поддержку мировой революции и, в частности, на покупку оружия для новой большевистской революции в Германии, американцы прекратили свою помощь.

К лету 1923 г. сведения о смерти от голода прекратились. В пострадавших от голода губерниях не досчитались 5,1 млн человек (от подобной же засухи в 1891–1892 гг. погибло 375 тысяч человек). Это была крупнейшая в Европе со времени Средневековья демографическая катастрофа.

«ПОМОГИТЕ СТРАНЕ, КОРМИВШЕЙ МНОГИХ И НЫНЕ УМИРАЮЩЕЙ ОТ ГОЛОДА...»

Церковь начала искать пути спасения голодающих с лета 1921 г. Патриарх Тихон обратился к российской пастве, к народам мира, к главам христианских церквей за границей со скорбным и страстным посланием, каждое слово которого зывало к милосердию: «...Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...»²

В храме Христа Спасителя и ряде приходов Москвы патриарх Тихон провел богослужения и призвал верующих к пожертвованиям. Одновременно он обратился к властям с письмом от 22 августа 1921 г.,

Разбор награбленных церковных ценностей в Гохране. Фото 1921 или 1922 г.

в котором заявил о готовности церкви добровольно помочь голодающим и организовать сбор денежных, вещественных и продуктовых пожертвований. Для организации всестороннего систематического сбора и распределения пожертвований был образован Церковный Комитет в составе духовенства и мирян, работу которого патриарх взял под свое личное руководство. В провинции с той же целью создавалась сеть церковных организаций.

Народ, сам не всегда имеющий даже самого необходимого, сразу же откликнулся на призывы церкви и во всех храмах России с августа 1921 г. начался сбор добровольных пожертвований. Духовенство в свою очередь приступило к созданию епархиальных комитетов помощи голодающим.

Церковь вопреки стремлениям властей ограничить её действия или вовсе запретить ей помогать голодающим к февралю 1922 г. собрала более 8 миллионов 926 тысяч рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи³.

НАЧАЛО КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

27 декабря 1921 г. был издан декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», а буквально через 5 дней — 2 января 1922 г. — на заседании ВЦИК было принято постановление «О ликвидации церковного имущества» и вышел декрет об изъятии музейного имущества. 23 февраля выходит декрет ВЦИК об изъятии ценностей, где речь шла об изъятии всех ценностей безо всякого разбора. Патриарх Тихон обнародовал свое послание от 28 февраля 1922 г., осудив декрет как акт святотатства: «Мы допустили, ввиду чрезвычайных тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство...»⁴

Позиция патриарха Тихона по отношению к декрету разделялась большинством православных верующих⁵. Повсеместно приходские советы начали выносить решения, направленные против изъятия ценностей, миряне организовывались в дружины для охраны храмов. Фактическое изъятие церковных ценностей началось в марте и сопровождалось неотвратимым кровопролитным столкновением народа с властями.

СОБЫТИЯ В ШУЕ

Первое известие о столкновении верующих с властями пришло из Шуи. 15 марта 1922 г. множество взволнованных верующих оказали сопротивление изъятию ценностей. По ним был открыт пулемётный огонь. В результате столкновения были убиты четверо, ранены десятеро.

Данные уполномоченного СО ГПУ Я.А. Штаммера свидетельствуют, что на площади собралось около 5–6 тысяч человек (общее число жителей Шуи в начале века составляло около 23 тысяч). Кроме Шуи столкновения духовенства и мирян с властями произошли и во многих других окрестных городах. Почти весь текстильный край поднялся на защиту церкви.

Власти действовали молниеносно. 21 марта 1922 г. комиссия ВЦИК выехала на место. Расследование было проведено с необычайной быстротой. Уже 23 марта 1922 г. комиссия пришла к заключению, что «действия уездной комиссии по изъятию правильные» и нужно «довести свою работу до конца». Дело о событиях в городе для окончательного разбора и наказания участников передавалось в Ревтрибунал⁷.

Выполняя директивы центра, в тот же день Н.И. Муралов провел учебно-показательное изъятие ценностей из Воскресенского собора. Для этого им были вызваны сводная рота 146-го полка, пулеметная команда, рота ЧОН, 6 конных милиционеров. С этого времени власти всех уровней начнут активно использовать армию и части особого назначения, превратив изъятие церковных ценностей в крупнейшую насильственную акцию большевиков против церкви. К кампании будут подключены штабы армий, начальники гарнизонов, армейские политорганы, Реввоенсоветы и Генштаб. Армейские подразделения будут применяться в качестве карательной силы.

Ленин настаивал на окончательной и скорой расправе с Русской православной церковью немедленно: «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁸.

Политбюро ЦК РКП(б) 22 марта 1919 г. приняло план Троцкого по расправе с церковью. Он включал арест Синода, показательный процесс по Шуйскому делу, а также указывал — «Приступить к изъятию во всей стране, совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей»⁹.

10 мая 1922 г. были расстреляны шуйские протоиереи Павел Светозаров, иерей Иоанн Рождественский и мирянин Пётр Языков.

Шуя превратилась в символ беспрецедентной борьбы властей с церковью, открыла период «охоты» за православным духовенством и его истребления.

БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВЬ

Вслед за телеграммой о Шуе в Политбюро ЦК РКП(б) стали поступать многочисленные сообщения об актах протеста из разных городов России. Бурлили центральные губернии, весь Урал и Сибирь, отчаянно сопротивлялись обе столицы.

Церковные волнения приобретали размах и характер стихийного массового народного сопротивления. Источники свидетельствуют о массовом характере выступлений — целыми селами, уездами. Основными очагами выступлений были крупные города — Смоленск, Орел, Москва и Петроград, а также фабричные и торговые города, промышленные села, где преобладала интеллигенция и зажиточные слои. Тамбовщина, испытывавшая на себе всю тяжесть политики большевиков, также отчаянно защищала церковь.

Кампания по изъятию церковных ценностей только за первое полугодие 1922 г. вызвала более 1400 случаев столкновений. Судебные процессы над духовенством прошли в 1922–1923 гг. по всей России. В 1923 г. в VI («церковном») отделении секретно-политического отдела ГПУ находилось в производстве 301 следственное дело, было арестовано 375 человек и выслано в административном порядке, в том числе за границу, 146 человек. К концу 1924 г. в тюрьмах и лагерях побывало около половины всего российского епископата — 66 архиереев. По данным Православного Свято-Тихоновского богословского института, общее количество репрессированных церковных деятелей в 1921–1923 гг. составило 10 тысяч человек, при этом был расстрелян каждый пятый — всего около 2 тысяч.

Но этим репрессии против церкви не ограничились, и их динамика говорит о возрастании числа жертв с каждым годом.

ИТОГИ КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

По документам, в ходе кампании всего было изъято ценностей на сумму немногим более 4,5 миллионов золотых рублей, тогда как ожидалось изъять сотни миллионов. (Напомним, что до начала насильственного изъятия ценностей церковь в помощь голодающим добровольно собрала более 8 миллионов рублей). Большая часть изъятого была истратена на проведение самой кампании, пошла на обеспечение партийного и советского аппарата и безвозвратно исчезла за границей.

Материал подготовлен Анной Сахаровой

¹ Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви 19 марта 1922 г. // см. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 гг.

² Акты Святейшего Тихона... С. 178; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М., 1995. С. 146–147.

³ Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкис- таторы. М.: Соратник, 1994. С. 157.

⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 190.

⁵ Одним из исключений был митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), который благословил отдать для помощи голодающим и богослужебную драгоценную утварь, оговорив лишь, что это должно производиться не коштвенно и церковь должна знать дальнейшую судьбу изъятых ценностей. И сам владыка, и его ближайшие сподвижники были осуждены и расстреляны летом 1922 г.

⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 693 об., 694–696; ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 61–62; РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 438. Л. 243.

⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Л. 16 // цит. по Н.А. Криво- ва // Власть и Церковь в 1922–1925 гг.

⁸ Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви от 19 марта 1922 г.

⁹ Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) с предложениями о репрессиях против духовенства, принятых Политбюро с поправкой В.М. Молотова 22 марта 1922 г. // см. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 гг.

Большинство источников цитируется по: Н.А. Криво- ва // Власть и Церковь в 1922–1925 гг. режим досту- пна: <http://krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html>

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29
Тел./факс: (495) 624-9250
Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г.
© Культурно-просветительский фонд «Преображение». Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).
Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), +7-905-553-6304 (Елена Голыгина), (495) 342-6306 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)
США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-812-5959 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)
Рязань: (4912) 99-1425 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +79643009145 (Светлана Папиловская);
Тверь: (4822) 50-2308 (Олег Ермолаев)
Тула: (4872) 37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

GAZETAKIFA.RU

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 74-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушеский вал, д. 49. Тираж 1300. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 1 марта 2012 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 5 марта 2012 г.

ПОЧЕМУ АНГЕЛЫ ТАК ПО-РАЗНОМУ ВЕДУТ СЕБЯ С РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ?

На вопросы Открытых встреч отвечает катехизатор священник Павел Бибин

— Почему ангелы так по-разному ведут себя с разными людьми? К Аврааму заходят сразу, а Лоту приходится их уговаривать войти в дом...

— Трудно отвечать за ангелов... Если же говорить всерьез, дело в том что «ангелы — это служебные духи», поэтому они поступают в соответствии с волей Божьей. Воля Божья и Его послание всегда уникальны. Поэтому в действиях ангелов все может быть разным. Всё зависит от того, в какой ситуации это происходит, каково это посланничество, в чем оно заключается, к кому адресовано.

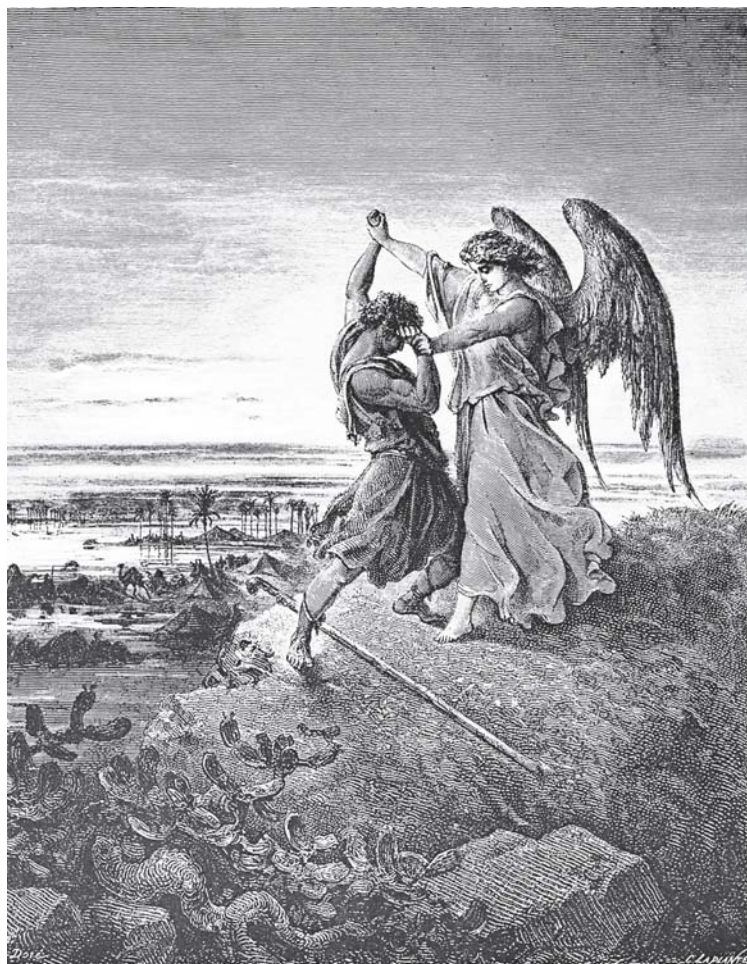
— Как распознать — твое обещание нужно Богу или нет?

— Я думаю, что Богу нужно не обещание. Богу нужно сердце человека. Он ищет всегда не нашего, а нас, и в каком-то смысле находится в постоянном поиске путей к сердцу человека. Богу нужно то, что Он может принять как жертву. Когда жертва Богом принимается, человек приносит добрый плод. И если наше обещание, этот шаг навстречу Богу, приносит добрый плод, то это значит, что Господь принимает это обещание.

— Как такое могло случиться — Его Отец сотворил весь мир, а у Него не было даже дома?

— Когда Христос говорит о том, что Ему нет места, где преклонить Свою голову, это не говорит о том, что у Него нет дома. Просто дом Его не здесь, не на земле. «Царство Мое не от мира сего», — говорит Господь. Тот мир, который был сотворён, и тот мир, в котором воплотился Христос, в который Он пришел, — это не одно и то же. Ответ на Ваш вопрос связан с тем, что Господь пришел именно для того, чтобы вернуть Отцу этот мир, который отпал от Бога, восстановить его достоинство, которое было утрачено.

— Как Отец может знать то, чего не знает Сын? Что это значит?

Борьба Иакова с ангелом. Гравюра Густава Доре

— Здесь, по всей видимости, имеются в виду слова Христа о конце человеческой истории. Слова эти были обращены не только к ученикам, но и ко всем людям, которые слышали Христа. И Он, отвечая им таким образом, мог сказать о том, что есть тайна, которая сокрыта от людей. Этим, мне кажется, Он хотел, с одной стороны, дать понять тем людям, которые Его слушали, насколько этот вопрос труден для восприятия, а с другой — перевести разговор немого в другое русло. Ведь есть то, что находится в компетенции Самого Бога, нам же прежде всего надо думать о том, что зависит от нас, в чем наша роль, наша задача. Вот что хочет донести до нас Господь, когда говорит о конце человеческой истории.

— Зачем Библия так подробно описывает устройство скинии? Неужели Господь прямо так и говорил «Завеса длиною в 20 локтей»?

— Действительно, в Священном писании есть огромные тексты, которые говорят об устройстве скинии, о совершении всякого рода обрядов, и акцент ставится именно на этом потому, что народ Божий должен быть народом святым, а значит, отделенным от реальности той жизни, которая его окружала. Он должен был быть выделен из общего пространства жизни даже в этих мелочах. Это совершенно другой народ, он не похож на те народы, которые окружали Израиль того времени, и поэтому требовалась такая детальная проработка в том числе и ритуальной стороны религиозной жизни, чтобы народ Божий в этом укоренился. Это, в каком-то смысле, Божественная педагогика, которая нужна была народу Божьему. Поэтому всё так и должно было быть устроено в те времена — для того, чтобы в плоть и кровь народа Израильского вошло не просто исполнение каких-то обрядов, которые естественно могли в ходе исторического процесса меняться (а уж тем более кардинально измениться с приходом Нового Завета), но именно сама инаковость жизни в завете с Богом.

Москва — Париж — Москва: увидеть лицо другого человека

ВСТРЕЧА 1, МОСКВА

Первой с ним встретилась вообще-то не я, а моя дочь: она умеет видеть людей. Но вскоре с ним познакомилась и я. Это было больше года назад, в Москве.

Наша встреча многое поменяла в жизни Нуриiddина (на самом деле этого человека, теперь нашего оглашаемого, зовут по-другому). Меня же она заставила задуматься о вещах, о которых я раньше — не то чтобы совсем не думала, но смотрела как бы извне, со стороны. За это время я услышала немало откровенных рассказов. Теперь посмотреть извне я больше не могу...

Из воспоминаний Нуриiddина, 25 лет:

У всех у нас, сотрудников магазина, был документ о регистрации, его сделал хозяин. Но оказалось, что регистрация фальшивая. У нас отобрали документы, милиционеры кричали, ругались, обещали депортировать. Когда нас привезли в «обезьянник» (это такая клетка для людей, там можно только стоять или сидеть на голом полу — кафельном, она рассчитана на двоих, но нас было семеро), еще часа не было. Держали до 11 вечера. Главное, воды не давали. Ладно, еды, с едой понятно. Хорошо, что перед тем, как нас из магазина забрали, мы как раз поели. Но пить хотелось.

А другие, видно, сидели не первый день. И голодные! Когда открыли дверцу, там на полу, в грязи, кусок хлеба валялся: кто-то не доел, выкинул. Так двое из сидевших бросились, схватили и, поделив, тут же съели. Хоть и грязный.

Мы много раз звонили хозяину, а он: «Ну да чего вы? Сейчас вас выпустят! Я за вас деньги заплатил, 150 тыс.». Может, правду говорил, может, соврал. Конечно, второй был ему земляк, если б его депортировали, как грозились, односельчане бы нашему хозяину такое устроили! Так что ему пришлось вызвать своего родственника. Ну, а я — уж заодно попал. Да и меня, хоть я совсем не той

национальности, один родственник на эту работу устроил.

Прошло много времени. В конце концов к ночи нас обоих выпустили. На машине уже не повезли, конечно: Добирайтесь как хотите! А местности ведь мы не знали...

Там, в обезьяннике, был один, уже давно сидел, — он никому даже не мог о себе сообщить: деньги на мобильнике кончились. Уже он просил-просил милиционеров. Но тем, понятно, все равно. Он меня умолял: «Когда тебя выпустят, положи мне на телефон!» Деньги даже давал. Я сказал: «Чего там, не надо денег!»

Паспорта нам вернули, а миграционные карты — нет. Так что уже совсем без бумаг остались. Хозяин, правда, говорил, что теперь он «делится», больше они не придут. Ну, на улице милиция останавливала, приходилось откупаться.

Вот этот магазин, у меня под окном, я упираюсь в него взглядом, оторвавшись от компьютера. Наскоро собранная «коробка» — самообслуживание, работает 24 часа в сутки, в основном продает спиртное в часы, когда в округе уже всё закрыто. Нуриiddину повезло: хозяин согласился поставить его в дневную смену. И он грузил, расставлял товар, чистил лук, следил, чтобы покупатели не сунули чего-нибудь себе в карман, и делал еще многое, многое другое. Всегда на ногах: сидеть не разрешалось. С 10 утра до 11 вечера, без выходных и праздников, почти полтора года. Иногда события местного значения все же происходили. Например, появился отдел с фруктами. И хозяин при 30-градусном морозе надумал выключить в «коробке» отопление: так фрукты дольше сохраняются. Так что несколько его работников, включая женщину-продавщицу, работали, надевая на себя всё теплее, что только было, не снимая зимних курток и пытаясь согреться чаем. С жильем тоже было хорошо продумано: квартира неподалеку,

только для своих: дневная смена спит ночью, а ночная, на их же местах, — днем. Рационально, и цена умеренная.

Из воспоминаний Нуриiddина:

Я всегда хотел учиться. Из дома привез с собой целый чемодан с учебниками, блокнотами. Английскую грамматику и т.д. Соседи по комнате смеялись надо мной: «Ты чего, парень? Ты сюда зачем приехал? Книжки читать? Ты сюда работать приехал!» Я вернулся бы домой сразу, но сначала надо было заработать на обратный билет. Да и с чем я приеду? Я уехал, чтобы не сидеть на шее у родных, чтобы начать новую, самостоятельную жизнь. Что я им скажу? Так и работал. Хуже всего было вставать по утрам, с мыслью, что опять надо идти в магазин. Сегодня. Завтра. Послезавтра... Это был какой-то нескончаемый мрак.

ВСТРЕЧА 2, ПАРИЖ

Другая встреча двух других людей, о которой я хочу рассказать, произошла в Париже. Встреча Татьяны и Анджело.

Татьяна Морозова (Ладыженская) — француженка русского происхождения, православная, продолжательница дела РСХД и особенно «Православного дела» матери Марии (Скобцовой), медик, проработавшая свыше 10 лет в Африке.

Анджело — иммигрант из Анголы, шесть лет добивавшийся от французских властей права для себя и своей семьи на статус беженцев и неизменно получавший отказ и предписание возвращаться туда, откуда он прибыл.

Из встречи Татьяны и Анджело в 1996 году выросла Ассоциация «Монгольфьер» («Воздушный шар»), ставшая целью помощи мигрантам, добивающимся права на политическое убежище во Франции.

Мигранты из Африки и Азии — настоящий бич сегодняшней Франции. С каждым годом их становится все больше, а

проблема — все более неразрешимой. Эти люди не имеют права на работу (они могут получить его лишь после 10 лет проживания во Франции), у них нет документов либо это «не те» документы, они нищенствуют, нередко воруют, живут где придется, не имея возможности готовить себе еду. Мало у кого они могут вызвать сочувствие. Их официальный статус обозначается канцелярским термином «без бумаг» («sans papiers»). Это значит, что их как бы нет — ни на родине, ни во Франции. Они, по характерному выражению о. Алексея Струве, «чувствуют, что им отказано в самом праве на существование».

О Татьяне Морозовой, почившей в 2011 году, я узнала из доклада Татьяны Викторовой, доктора филологии, доцента Страсбургского университета¹. Важно, что исследовательница видит непосредственную преемственность между деятельностью «движенки» Татьяны Морозовой и «Православным делом» матери Марии (Скобцовой). Она говорит:

«Эта проблема хорошо знакома русским эмигрантам (которые, быть может, бумаг не выбрасывали, но точно не имели необходимых). Известно, что мать Мария, действуя своим даром слова, необычным обликом, умела убеждать даже французскую администрацию, бюрократический аппарат которой, по свидетельствам многих русских, еще более изощрен, ибо немислимо его обойти². Мать Мария делала это для «шатающихся»³, «пропивающих свой пропавший идеал»⁴; для мнимых душевнобольных (которые выздоровели, но о них забыли, или же которые не смогли объясниться по-французски). У Татьяны Морозовой полвека спустя — схожая публика: безработные, прошедшие пытки и травмированные в большей степени духовно, чем телесно.

Окончание на с. 2

Москва – Париж – Москва: увидеть лицо другого человека

Окончание. Начало на с. 1

В обоих случаях речь идет об «отверженных», у которых нет никаких прав, — с самым высоким риском обезличиться, потерять не только человеческий облик, но даже собственное имя. О тех «низах» общества, которыми никто не только не хочет заниматься, но и сомневается, что ими заниматься нужно (ибо кто отличит ложь от правды? вора по нужде от туеядца? пострадавшего — от искателя легкой парижской жизни, как она рисуется воображению издалека?) — слова, которые может произнести каждый из нас».

Разумеется, во Франции, как и в других странах Запада, существует множество организаций, занятых социальной работой и помощью разного рода «низам». Некоторые из них помогают мигрантам (которых на современных европейских языках называют «новыми датчанами», «новыми финляндцами» и т.д.; может быть, мы на пороге появления нового значения у словосочетания «новые русские»?); Чем отличается от такого рода структур опыт Татьяны Морозовой и ее Ассоциации «Монгольфьер»?

Таких важнейших отличий видится два:

— В основе всего у Татьяны Морозовой лежит личная встреча (в то время как большинство благотворительных организаций предлагают помощь от организации — организации).

— Дело не ограничивается социальной помощью; цель — не только накормить и помочь получить нужные документы, но и вернуть человеку его достоинство (вспомним, какое значение придавал возвращению в воспитанниках чувства достоинства Николай Неплюев), увидеть в нем образ Божий, по выражению матери Марии, «до славы небесной поднять»⁵.

Воспользуюсь и далее материалами из вышеупомянутого доклада Татьяны Викторовой, любезно предоставленного мне докладчицей.

Действительно, личная встреча — вот то, что лежит в основе всей деятельности Татьяны Морозовой и ее ассоциации. В отличие от государственных учреждений, Татьяна не спрашивала никаких бумаг. Всё начиналось с личного разговора. Как и мать Мария (Скобцова), порой проводившая целые ночи в разговорах в парижских кафе, Татьяна Морозова обладала удивительным умением слушать. Выслушать до конца, не судить, в общении выявлять наиболее личностное начало в человеке и уже этим — помочь ему. Одним из ее правил было помогать тому, кого непосредственно видишь, с кем говоришь взглядом, сердцем. С каждой семьей, которой оказывалась финансовая помощь, поддержи-

вались личные отношения. Как говорит Т. Викторова, «тем самым помогающий (которых образует целая цепочка) также вовлечен в это круговращение деятельной любви, как называла этот тип отношения к ближнему мать Мария. На такой пробуждающий призыв Татьяны, каждый раз точно описывающей положение нуждающегося, было трудно не откликнуться или же ограничиться лишь материальным жестом».

Отец Алексей Струве (его надгробное слово при отпевании Татьяны Морозовой также было мне предоставлено Татьяной Викторовой) вспоминает, что все начиналось с одного православного прихода, членом которого была Татьяна Морозова. «Медленно, без особых разговоров, но со свойственным ей упорством она пробудила во многих из нас это чувство ответственности за другого. Молитва необходима и незаменима, но молитва без любви стерильна, и любовь абстрактная, без конкретных действий по отношению к другим — это не любовь». Отец Алексей говорит, что ближним для Татьяны оказывался как раз-таки «дальний», встретившийся на пути и нуждающийся в поддержке. Это тот, кто «нуждается в вас, не всегда материально: иногда просто в слове, улыбке, внимании. Иногда достаточно дать ему понять, что вы видите в нем личность, что вы его уважаете, даже если для окружающего общества он пустое место». Позже вокруг «Монгольфьера» появился целый круг друзей, православных и неправославных, юристов, врачей, психологов, социальных работников, переводчиков.

Татьяна Морозова не только помогала в решении насущных вопросов, таких как отсутствие материальных средств, оформление юридических документов, здоровье взрослых и детей, язык и т.д. Она предлагала этим обремененным заботами и проблемами людям вещь простую и довольно неожиданную. Она приглашала мигрантов на прогулку по Парижу! И тут выяснялось, что многие из этих людей, прожив в Париже много лет, его совсем не видели, потому что почти не покидают своего логовища, потому что никто и никогда не приглашал их погулять по Парижу, да еще и вместе. И тогда происходила Встреча. Завязывалось общение, продолжавшееся потом, может быть, многие годы. Начиналось нечто невиданное, менявшее не только того, кому оказывалась помощь, но и того, кто помощь оказывал.

Татьяна Викторова говорит: «Такое отношение к человеку — просителю и дающему — очень близко тому, что мать Мария называет в своих статьях “мистикой человекообщения”, “великой тайной и таинством”... Эта встре-

ча так действенна потому, что та, вокруг которой все вращается — “долготерпит, милосердствует, [...] не ищет своего” (1 Кор 13:4), — образ евангельской действующей любви, которая движет матерью Марией и таким образом передается идущим ее путями. Это действительно полное забвение себя — времени, сил, собственных скромных средств, — все отдано этому небольшому сажению «Православного дела» последних десятилетий. Чего стоило Татьяне это постоянное стояние лицом к лицу с человеческим страданием, собственная болезнь и мучения медленно умирающего мужа Сергея — можно лишь догадываться по свидетельствам самых близких и, быть может, тому усталому лицу, которое мы видели незадолго до ее собственной кончины в марте этого года. И это творчество, добровольное крестоношение — несомненно, самое трудное, как это передает мать Мария. Ибо каждый из них “требует всей вашей жизни, ни больше, ни меньше. Отдать всю свою жизнь какому-нибудь пьянице или калеке, как это трудно”⁶.

Но матери Марии известен и вкус победы, опыт Воскресения: «И тут же немедленно получили, что вы свою жизнь не потеряли, а получили вдвойне»⁷.

ВСТРЕЧА 3, ГДЕ?

Всем обитателям современных мегаполисов известен феномен: в толпе не замечаешь людей, они воспринимаются даже не «как деревья», а как неразличимое препятствие на дороге. В толпе почти невозможна Встреча с человеком.

Тем более это касается всевозможных пришельцев-мигрантов. Их либо не видят, либо воспринимают с раздражением. Почему это так — вопрос отдельный и вовсе не простой. Но хочется отметить один нюанс. Во многом ситуация сегодня — наследие советского прошлого, с его произвольным перекариванием границ, насильственными депортациями целых народов, насильственной русификацией, объявлением всякого интереса к родной культуре «национализмом», а также огромными диспропорциями в социально-экономическом развитии разных республик СССР, коррумпированностью властных структур и т.д.

Но главное последствие преступлений советского режима — это человек. Сломанный человек! Уникальная историческая общность людей — советский народ — это те, кто с молоком матери, без всяких слов и объяснений впитал убеждение, что никто и никогда не будет с ним как с человеком считаться. Что закон — это одно, а жизнь — совсем другое. Постсоветский человек никому не верит. Согласно недавним исследованиям «Левада-Центра», 70% опрошенных полагают, что с людьми надо быть осторожными, а 73% совершенно согласны или скорее согласны, чем не согласны, с формулой «доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям».

Это недоверие ко всем, усугубленное массовым недовольством современным политическим и экономическим положением в России, не может не выливаться на «приезжих». По данным Московского бюро по правам человека за 2011 год, большинство россиян нетерпимы к мигрантам: толерантно настроены к приезжим 25% жителей страны, лишь 15% считают миграцию позитивным явлением. Остальные россияне относятся к мигрантам негативно. Рисуя социологический

Демонстрация в Париже. 2011 г. Источник фото: zimbio.com

портрет по-прежнему воспроизводимого советского человека, Лев Гудков, в частности, указывает: «Вместе с тем его разочарованность и чувство неполноценности компенсируется сознанием своей (массовой, коллективной) исключительности, превосходства (причастности к чему-то “особенному”, “сверхзначимому”, “надындивидуальному” — великим державе, империи, народу) — опять-таки являющимся одним из остатков, резидуумов идеологии “нового человека”, исключительности советского общества, “особого пути” России и т.п.; и в то же время эти чувства прорываются неуправляемой ностальгией по идеализируемому прошлому, к которому относят все несостоявшиеся мечты, иллюзии, комплексы, желания; добавим сюда же и связанные с этим разнообразные комплексы, страхи вплоть до ксенофобии и параноидальной убежденности в существовании внешних и внутренних врагов, темных сил и “заговоров против России”»⁸.

Вот СМИ приносят известия, что полиция и ФМС за сутки «накрыли» сразу три лагеря нелегальных иммигрантов в трех разных местах Москвы и задержали около трехсот человек. Один лагерь находился на территории бывшего завода, один — на бывшей территории воинской части, еще один — просто в лесополосе, где гастарбайтеры спали на матрасах возле железнодорожной насыпи⁹. Можно ли предположить, что до этой доблестной акции ни власти, ни население были не в курсе, не видели этих несчастных людей? Лагеря, бараки и подвалы, рабские условия жизни и рабский труд стали повсеместностью наших городов и поселков — в отличие от 1930–50-х годов, когда ГУЛАГовское рабство было хотя бы вынесено в отдаленные районы европейского севера и Сибири или пряталось за заборами с колючей проволокой поверху. Мы удивляемся сегодня, как могли люди тогда жить и не знать, не видеть — ни ГУЛАГа, ни Голодомора, ни раскулачивания. Боюсь, что наши потомки удивятся нашему неведению.

Что же я предлагаю? Самую простую вещь. Я предлагаю, чтобы наши глаза смотрели и видели, чтобы уши слышали и разумели (Мк 4:12). Я предлагаю вслушаться в звуки чуждых языков, а может быть, и самим выучить, допустим, «здравствуйте» и «спасибо» на таджикском или узбекском.

Я предлагаю увидеть лицо другого человека.

«Лицо человека хочет быть отраженным хотя бы в одном другом человеческом лице, в “ты”. Потребность в истинном отражении присуща личности, лицу. Лицо ищет зеркало, которое не было бы кривым... Таким зеркалом, которое истинно отражает лицо, бывает... лицо любящего.

Лицо предполагает истинное общение... Лицо есть всегда разрыв и прерывность в объективированном мире, просвет из таинственного мира человеческого существования, отражающего существование божественное. Через лицо прежде всего личность приходит в общение с личностью»¹⁰.

Если взглянуть в лицо другого человека, может произойти Встреча. Только она и способна что-то изменить.

Ольга Сушкова

¹ Доклад был прочитан Т. Викторовой на международной конференции «Духовное наследие матери Марии (Скобцовой). Настоящее и будущее Церкви» 27 декабря 2011 г. в доме Культурно-просветительского центра «Преображение».

² В расе, тяжелых мужских ботинках, «шла широким шагом, прямо глядя перед собой через круглые очки в простой оправе», вспоминает, в частности, А. А. Угрюмов, в: Вестник РХД, № 189, с. 347.

³ Отец Сергей Булгаков называл Лурмеля «Шаталова пустынь».

⁴ Свидетельство посетителя кантины м. Марии, приведенное митроп. Евлогием в его воспоминаниях о Православном Деле, в: Митроп. Евлогий, Путь моей жизни, М.: Московский рабочий, 1994. С. 495.

⁵ Мать Мария (Скобцова) Стихи. Берлин: Петрополис, 1937, с. 27.

⁶ Записано К. В. Мочульским. См.: Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова), Третий час, 1946, с. 68.

⁷ Десанты Д. Неверующая о святой: встречи с матерью Марией. Санкт — Петербург: Алетейя, 2010. С. 70.

⁸ Гудков Л. Условия воспроизводства «советского человека» // Журнал «Вестник общественного мнения» (издание Аналитического Центра Юрия Левады), № 2, 2009.

⁹ Новость русской службы БиБиСи. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/06/110629_moscow_forest_migrants.shtml Дата обращения: 27. 01. 2012.

¹⁰ Бердяев Н. А. «Я» и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.

СПРАВКА:

В России нелегально трудятся на настоящий момент от 6 до 12 млн мигрантов, точнее посчитать трудно. Что касается легальных трудовых мигрантов, то, согласно официальной статистике, лик их численности пришлось на 2008 год — 2425 тыс., а в 2011 году, по экспертным оценкам, их было всего 1720 тыс. (Марина Грицюк, «Российская газета» — Столичный выпуск № 5684 (11) 20.01.2012). (Для сравнения: в США, в стране наибольшей в мире нелегальной иммиграции, по данным за 2009 год нелегалы насчитывали 11,1 млн. См.: Джулия Престон, «Нью-Йорк Таймс», 1 сентября 2010 г., <http://www.nytimes.com/2010/09/02/us/02immig.html>).

По мнению Гавхар Джураевой из информационно-правового центра «Миграция и закон», в нелегальном поле работают порядка 80% мигрантов. Дефицит разрешений на работу неизбежен: в 2011 году на всю страну ФМС выделила 1 745 584 разрешения на работу, на 2012 год — столько же (Дмитрий Буланин, БиБиСи, Москва, 21 ноября 2011 г.: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/11/111121_russia_illegal_migrants.shtml).

Столь небольшое количество «легалов» в России объясняется просто. В большинстве случаев за оформление юридической стороны, т.е. регистрации и разрешения на работу, берется работодатель. Сам мигрант их добиться, как правило, не в состоянии. Но легальное оформление своих работников для работодателя — это масса хлопот и огромные налоги. А главное, работодателю выгодно иметь дело с нелегалом, полностью находящимся в его власти и не имеющим никаких шансов отстоять свои права.

Справка подготовлена автором статьи

На одном из рынков Москвы. 2011 г. Фото Дениса Сиякова/Reuters